

Студент

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Богдан Королев

18+

18+

Богдан Васильевич Королев

Студент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57308055

SelfPub; 2021

Аннотация

Что будет, если объединить классику жанра "грязного реализма" в стиле Буковски и рассказ о жизни обыкновенного российского студента? Мы получим реальную жизнь студенчества: алкогольную, с огромным количеством секса и веселья. В книге главный герой Иван Востоков рассказывает, как порой сложно бывает учиться в женском обществе, лавируя между пьянками, вечеринками и отношениями с разными девушками. Поколение новой эпохи застоя современной России, студенты необитники, родившиеся в конце 90-х годов, успевшие вкусить плоды свободы и ищущие выхода в этом замкнутом мире. Думали, что все знаете про современного студента? Скорее, вы ошибались...

Содержит нецензурную брань.

Богдан Королев

Студент

Все персонажи книги вымышлены, а любые совпадения случайны.

Три ангела апокалипсиса.

Два раза в год я разгоняю свой мозг, свой чертов локомотив мысли на запредельную скорость. Рецепт прост и скорее напоминает ритуал. Утром я выпиваю огромную кружку кофе. Им запиваю пирацетам (это что-то вроде таблетки из фильма «Область тьмы», проще говоря – ноотроп) и, конечно, никотин, который я принимаю путем жевания, так приятнее, и запаха отвратительного нет. Таким образом мозг пашет как проклятый, а затем по инерции катится, постепенно замедляясь, и продолжает ход на медленно-средней скорости два-три месяца перед следующей сессией.

Студент сильно поменялся в последнее время. Неизменными остались три момента: он гоняет балду от сессии к сессии; работает больше, чем учится и бухает. Все остальное кардинально поменялось. Больше студенты не голодают, ибо живут с родителями, либо их спонсируют родители, а студент живет отдельно, либо он работает. Студент не бегаёт нынче за зачетами, ибо их уже, можно сказать, нет и в по-

мине. Студенту – все трюнь трава. Сказать прямо – летим в пизду с нашим образованием, а оно точно туда и летит.

Да, естественно, наше высшее образование, оно на то и высшее, чтобы привыкать к жизни в наше непростое время. Люди, его получающие, учатся думать, распределять время, выбирая между мастурбацией и вписоном, да и вообще. Высшее оно на то и высшее, чтобы разговаривать с кем-то на «вы», вести великосветские беседы, а с кем-то из своих обсуждать баб, попивая пивасик во дворе за университетом.

Проблемы студенчества описать будет сложно, поскольку их множество. Но есть одна, которая может затронуть любого из нас. И имя ей – любовь. Любовь – дело тонкое, особенно, если речь идет о студенте медицинского ВУЗа. И эта дребедень изводит меня на протяжении нескольких лет. Уже сбился со счета этих самых лет, хотя я их даже и не считал-то в принципе. Не скажу, что я болт кладу на учебу, но представь, дорогой друг, как трудно жить с этим, когда тебя окружает 75% девушек, а количество учебного материала растет в геометрической прогрессии.

История, я скажу, растет ногами из самой «жопы», в которой находятся красота и другие прелести нашей безмятежной жизни. А значит, что она закончиться нормально не может. Перед отчислением из второго меда я познакомился с одной скромной и обаятельной девушкой. Звали ее Ася. Она была одноклассницей моего закадычного товарища Игоря, с которым не грех выпить в битцевском парке чая, например,

или хорошего крафтового пива, а может быть, если позволяют финансы, и вина.

Так получилось, что весь осенний семестр я совершенно не замечал представительниц женского пола, так как был в отношениях с будущим педиатром Надеждой. И моя надежда о Надежде, была как одежда на Надежде: выделяла ее упругую, да и что скрывать, аппетитную пятую точку. И мне этого хватало. Асю я не видел в упор, хотя, как потом узнал, что каждое утро она здоровалась со мной:

– Привет, Ваня!

А я на автомате отвечал, думая либо об анатомии на соответствующей кафедре, либо об анатомии Надежды:

– Да, доброе утро, – и убегал на свою пару, на которой неизменно просиживал пару-тройку часов, маясь от явного безделья, общаясь с Красной и Белой (это мои подруги) и так далее.

Но случайности – дело забавное. На самой грани отчисления из-за поганой анатомии человека я решил прогулять физкультуру, а затем отвиснуть вместе с соседями по общежитию. Но что-то невидимое своей тонкой ниточкой удерживало меня тем днем в университете. Так я позвонил Игорю.

– Хей! Бородач! Сладкий мой пупсик. Я хочу потереться об твою прекрасную белую бороду, посмотреть в твои глубокие как Марианская впадина глаза. Ты сейчас в РНИМУ?

– Да, любимый, – он отвечал с причмокиванием, как обычно он отвечает, – я готовлюсь к комиссии по физике

вместе со своими девочками в столовой. Приходи, Вань, мы тут в «оленя» играем.

Игра в «оленя» – дело весьма увлекательное. Смешное местами. Я и мои товарищи, называем так игру, в которой ее участники пишут на карточках название какого-то существа, предмета или того, что в голову придет, а потом приклеивают ее своему соседу на лоб. Суть игры проста: каждый игрок пытается угадать, кем он является. Хорошо, если игрок не конченная мразь, конечно.

Так вот. Я пришел в столовую. В самом конце зала возле прекрасного панно сидел Игорь, а его окружали самые, наверное, прекрасные существа этого университета: педиаторши. Он сидел один в этом цветнике, так что необходимо это было подправить. Тем более что надежда о прекрасном будущем с Надеждой уходила совсем явно. Она пролетала как фанера над Парижем. Уверенным шагом я направился к самому дальнему столу.

– Всем привет! – мой голос был бодр, будто я проснулся всего часа два назад.

Игорь встал, пожал мою руку, а затем снова приземлился на нагретое собой место.

– Привет! – дружно воскликнули девчата.

– Меня зовут Иван. Так, есть ли здесь еще один стул? – я пошарил глазами по пространству вокруг стола. Да стул был, я приземлился на него, поставив свою сумку рядом, – давайте знакомиться.

– Меня зовут Ася, – сказала Ася.

– Аня, – пробубнила смущенно девочка, сидящая по правую руку от Аси.

– Имани.

– Света.

– Меня тоже зовут Света, – сказала девочка сидящая рядом с первой Светой.

– Маша.

– Анастасия.

– Кристина.

– Игорь, – в шутку сказал Игорь.

– О боже, тебя то я знаю, – сказал я ему.

– Ангелина.

Наше представление друг другу кончилось. Мы еще пару секунд просидели молча, девочки явно оценивали ситуацию, я явно был смущен данной ситуацией.

– Так, ну что? Пишем новых персонажей?

– Да, давайте, – сказала Ася громко, но я снова не обратил на нее внимания.

Мне передали бумажечку, на которой можно было написать название персонажа. Я старался писать максимально разборчиво, но получилось все равно коряво. Закончив, я кинул бумажку в медицинскую шапочку, которая ходила по рукам. В ней лежала моя судьба на ближайшие четыре года. Конечно, я не знал об этом. Перемешав окончательно все листочки, каждый из нас вытянул по одному и нацепил на лоб.

Играли мы достаточно долго, пытаясь показать свою эрудицию и, возможно, интуицию. Настала очередь Аси. Она должна была найти ответ на вопрос, кем она является, я мимолетом посмотрел на нее, а затем заглянул в смартфон.

– Я – порнозвезда? – проговорила Ася.

Этот момент был подобен грому среди ясного неба. Я посмотрел на нее, увидел эти прекрасные голубые глаза с небольшой желтой точечкой на радужке правого глаза. С того момента я не мог отвести от нее взгляда. Это была очень красивая девушка с темными или темно-русыми волосами, которые доходили до ее груди. Ее слегка полноватые натурально-розовые губы изобразили неуверенную милую улыбку. Я смотрел на нее. Это – любовь с первого взгляда. Какая же она была красивая.

– Нет, – был общий ответ на ее предположение. Все дружно засмеялись, и ход перешел дальше.

Игра подходила к концу. Расходиться не хотелось, но Игорю надо было идти сдавать физику, мне надо было в общагу, остальные же собирались либо домой, либо на оставшиеся пары. Проговорив последнюю реплику, мы стали расходиться. А я поймал взгляд Аси.

Мы шли к раздевалке университета, не проронив ни слова. Не скажу, что это было тягостное молчание, наоборот, я был воодушевлен. Непонятно чем, но воодушевлен. Попрощавшись с Игорем на лестнице, что вела от «кишки» вверх, мы подошли к «аквариуму». Там как всегда было много лю-

дей, которые толпились за уже остывшими слойками с вишней, самопальной шаурмой и другими произведениями кулинарного искусства второго медицинского института.

На мое удивление людей возле «гардероба» практически не было. Положив вещи на скамейки, мы с Асей пошли за куртками. Получив их, мы вернулись обратно к нашим рюкзакам. Сказать, что я снова чувствовал себя смущенным школьником, значит не сказать ничего.

– Прости, я забыл, как тебя зовут, – я и правда забыл ее имя.

– Ася, – она продолжала одеваться, а потом посмотрела на меня своим пронзительным взглядом.

– Тебе к какому метро? «Тропарево» или «Коньково»?

– Мне особо без разницы, а тебе?

– Мне тоже без разницы, и все же тебе куда будет ближе?

– «Тропарево». А тебе?

– Я живу в общаге.

– Значит в сторону «Коньково».

– Вообще да, но я могу пойти с тобой до «Тропарево», а потом и к себе в общагу.

– Пойдем до «Коньково», – с невидимой силой в своих глазах она посмотрела в мои.

– Хорошо, пойдем, – я улыбнулся и посмотрел на ее милое и красивое лицо.

Бывает такое, что появляется человек в твоей жизни весь-

ма спонтанно и необыкновенно. Таким человеком была Марина. Я даже и не думал, что когда-нибудь встречу ее, причем максимально случайно, максимально неожиданно для себя. Последний раз мы виделись когда мне только-только исполнилось 18 лет, а ей было 14, после этого мы не виделись практически 4 года.

Эта встреча была спонтанна. Два года отношений с Асей обернулись, в какой-то степени, мучением, поэтому мы и расстались (по моей инициативе). Но спустя некоторое время произошла наша встреча с Мариной. Я помнил ее еще девочкой-подростком, теперь же это была красивая сформировавшаяся девушка. Она все также носила прямоугольные очки, у нее была все та же стрижка «каре». Ее белая кожа и черные волосы прекрасно гармонировали с ее черными как ночь глазами. Она всегда носила платья, которые эффектно подчеркивали ее ноги, талию и аккуратную красивую грудь.

Мы встретились с ней на «Китай-городе», чтобы прокатиться по тесным и излюбленным, как оказалось нами обоими, улочкам Москвы. Я на доске, а она на роликах. Завораживающее чувство: девушка чуть впереди тебя бежит на роликах, а одета она в серое хлопчатобумажное платьице, которое подчеркивает ее шикарные формы. В эти моменты чувствуешь себя как-то иначе: что-то промежуточное между человеком и диким млекопитающим.

Я не могу назвать это любовью, скорее это был интерес и влечение. Было в ней что-то и дикое, и притягательно-жен-

ственное. Ее речь по отношению ко мне, да и мужчинам, наверное, в целом, была построена по принципу: «Ах, ты мальчик, я тебя всему научу». И это поражало сознание, словно пуля, выпущенная из автомата Калашникова. Ее дикость проявлялась в любви укусить, царапнуть или напрыгнуть так неожиданно, как это делают дикие кошки. А как она сексуально курила! Я не мог устоять перед ней.

Мы сидели у нее на кухне. Параллельно занимаясь химией, мы курили и разговаривали. Обладая опытом в объяснении всякой сложной мути, я растолковывал предмет, думая о том, как мне предложить ей отношения. Этот вопрос для меня постоянная дилемма. Кажется, что это достаточно просто, всего лишь надо сказать: «Ты мне нравишься, давай встречаться?» Но на деле... Я думаю, что данная проблема родом из неуверенности или, может быть, страха быть отвергнутым вовсе. Ведь таким образом получится, что и общаться вы не сможете как раньше, и общаться как-то по-новому уже не удобно, и уже тебе и ей просто не комфортно. Проблема френд-зоны.

– Так, смотри, сейчас я составлю тебе химическую задачку посложнее. Готова?

– А что за задача, Вань?

– Непростая, но очень увлекательная, решай пока эту, – я посмотрел в ее черные как ночь глаза, – а я напишу условия.

– Хорошо, Вань, – Марина углубилась в тетрадь.

Пока она решала настоящую задачу, я выводил на листе

«дано», формулы химических соединений, массы и концентрации. После «дано» я написал: «Ты мне нравишься, Марина!» Я отчеркнул «условие», солнце светило мне прямо в глаз, а в пепельнице тлела сигарета, я посмотрел в потолок, как бы пытаюсь поймать нужные слова, и написал два главных вопроса «задачи»: «Ты будешь моей девушкой? Давай встречаться?»

– Ну как у тебя с решением? – я посмотрел в ее записи по той задаче, что она решала, пока я писал свою, – мда, да, все нормально, давай теперь эту попробуешь решить? – я дал ей листок, на котором была написана моя «задача».

– Какое интересное условие и очень непростые вопросы, – она сделала кокетливую улыбку настоящей леди, – я не знаю как ее решить, может, – она посмотрела мне в глаза, – ты сможешь мне ее решить?

– Собственно, вариантов решения здесь немного...

– Как сказать. Я бы согласилась, но не знаю, надо ли? Знаешь, у меня были непростые отношения с моим, как бы это сказать, бывшенастоящим парнем.

– У него интересный статус.

– Да, мы еще не разошлись, но я собиралась это сделать. Ваня. Я не знаю, что мне тебе ответить.

– Ну, ты можешь ответить либо «да», либо... «да». Какой ответ тебе ближе?

– Я не уверена, что это все протянет долгое время, понимаешь?

– Марин, я попробую сделать для этих отношений все, что в моих силах. Я всегда буду рядом.

– Как Владимир Путин говоришь: заманчиво и никакой конкретики.

– Мы с ним похожи в некоторых моментах, да, – я слегка улыбнулся, при этом оставаясь абсолютно серьезным.

– Ладно, давай попробуем.

– Может посмотрим фильм? Ты любишь Pink Floyd?

– Обожаю, а ты?

– И я. Может посмотрим тогда их фильм?

– Да, давай, но... Подожди, а как же химия?

– У тебя и так хорошо получается решать сложные задачи, – мы встали из-за стола и пошли в комнату.

Нет ничего хуже, чем осознание того, что отношения между вами заходят в тупик, из которого есть лишь один выход: расстаться. Неважно, останетесь ли вы друзьями, станете врагами или просто получите статус «бывшие». Это неважно, когда дело доходит до этого исхода. Хорошо, если оба понимают, что этот выход однозначен, хуже, если один из «игроков» этой чертовой игры осознает это, а второй не готов это принять.

Бесконечные истерики и депрессии Аси, выразившиеся в неприятии развития отношений, шли полным ходом. Можно ли было это предположить два года назад, когда все только начиналось? Нет, нельзя. Сейчас это было похоже на бо-

лото, затягивающее и лишаящее кислорода того, кто в него попал. Я ходил и думал, как выйти из этого порочного круга, дабы сделать это как можно мягче, чтобы не столкнуться с порцией новых ебанутих истерик, разбитой посуды, слез и так далее.

– Ася. Я пришел к выводу... Нам надо расстаться.

– Вань, – она пыталась говорить спокойно, – это не шутка?

– Нет, это не шутка. Наши отношения зашли в такой тупик, из которого я не вижу иного выхода. Нет никакого развития. Давай это закончим?

– Я же люблю тебя.

– Да, я понимаю, но так продолжаться не может. Ася, пойми...

– Вот, ты – мудака, Востоков. Иди ка ты в жопу, – ее глаза наполнились слезами, и она ушла в вестибюль метро, аккуратно виляя своей шикарной задницей.

Она думала, что я пойду за ней. Я не пошел. Слишком долго я думал о том, как мне быть в этой сложившейся ситуации. Я стоял у вестибюля и слушал уличных музыкантов, что играли напротив входа на станцию «Чистые пруды». Темно-синее небо словно одеяло обволакивало нас всех. Из колонок гремели гитары, барабаны отбивали ритм, а вокалистка пела на ломанном английском очень известную и грустную песню о потерянной любви.

Ночная весенняя Москва с только что распустившимися листьями на деревьях впитывала в себя выхлопные газы ав-

томобилей. Я просто шел. Куда? Куда глаза глядели. Мной поставлена точка, и я ответственен за нее. Счастливее от этого явно не стал, но теперь мне было куда легче дышать. Легче, чем раньше. Машины пролетали мимо. Проносились велосипедисты. Все куда-то вечно спешат, даже если они отдыхают.

Два года отношений. Отношений не самых здоровых. Они определенно ставят на человеке некую печать. С Асей у нас было практически все, кроме банального взаимопонимания и целей. Можно сказать: не было ничего кроме секса. Мы пытались строить «коммунизм» нашей любви, но как и любой коммунизм наш был утопичен, а к середине его «стройки» было понятно – его не будет.

Я проходил мимо метро «Сухоревская», а где-то вдалеке виднелся «склиф», в котором мне вот-вот надо было проходить практику. Садовое кольцо – воронка, машины мчатся по ней на всех жизненных скоростях, так и я мчался от болезненных ощущений, разбрасывая бычки, словно оставляя метки, как это делаю псы, когда уходят далеко от своего дома. Я уходил от этого всего, неизбежно делая круг, из которого было всего несколько выходов. Тем временем часы тикали, а электричка не стала бы ждать меня одного.

Она была в лучах июньского солнца, когда я шел, опаленный этой жарой. Она была одета по-летнему: мини-юбка, белая блуза, туфли на небольшом каблуке, черные очки в круг-

лой оправа на переносице. Ее белая гладкая кожа, полные губы, слегка заостренный кончик носа и серо-голубые глаза... Она сразила меня наповал, что я даже и не знал, что мне надо делать. Я растерялся как пятнадцатилетний мальчишка. Она шла как и я на пару по патологии, учились мы на одном потоке. Звали ее Наташа.

– Привет! – чтобы догнать ее мне пришлось максимально ускорить свой шаг, не подавая виду, что я бежал за ней.

– Эм, привет, – у нее был тонкий голос, слегка приглушенный на выдохе.

– Ты же с медпрофа? Я – Ваня. А как тебя зовут?

– Наташа. Да, я с медпрофа. А что такое?

– Не против, если мы пойдем вместе на «патологию»?

– Ну, давай.

– Кто у тебя препод? – этот вопрос – хороший способ выведать в какой группе обучается кто-либо на твоём потоке.

– Кока Хасбулатовна, а у тебя?

– Морозова.

– Ты из группы Энджи?

– Да, я ее одноклассник.

Темы для разговора закончились. Я – не мастер знакомств на улице. Настало слишком курьезное неловкое молчание, которое не хотело уходить. Мы шли метр за метром, продвигаясь к клинике Тареева, а вездесущее молчание нависало как свинцовое небо перед ливнем, томя всех ожиданием либо грозы, либо грома. Сзади подбежала другая девушка, я не

знал, кто это, но Наташа явно знала.

– Привет!

– О, привет!

– Ладно, Иван, мы пойдем.

– Да, приятно было познакомиться, а мне надо в «Перекресток», – я помахал им вслед, хотя этого они уже не видели, и зашел в магазин. Ментальные тучи просто растворились, так и не разразившись ливневыми потоками, грозой и порывистым ветром.

Мы сидели с Мариной в крошечной темноте. Фильм кончился. Она ждала от меня каких-то действий. Ничего лучше, чем поцелуи на ее диване я предложить не мог. У нее был такой маленький ротик. Это были необычные для меня ощущения. Нас окутывала темнота ночи, а где-то в космосе над Москвой пролетала станция МКС, оставляя белую полосу на черном небе. Мы лежали и целовались одни в большой квартире, которая по-советски была обставлена хрусталем, в которой так по-русски стояли столы с компьютерами и с парой пустых бутылок из-под пива.

– Вань, когда у тебя последняя электричка?

– Не знаю, надо посмотреть, – я достал телефон и открыл расписание, – в час, но она едет до Подольска. Без остановок.

– У тебя не так много времени... Хочешь какао?

– Твой фирменный?

– Да.

– Давай, я только за.

Поднявшись с дивана, мы пошли на кухню. Проходя мимо зеркала в коридоре, я посмотрел на свое помятое лицо в отражении. Недосып и кофеин делали свое дело. Я вышел на кухню, где Марина ставила чайник на плиту. Сначала она зажигала спичкой конфорку, а потом этой же спичкой поджигала сигарету из пачки синего «Кэмэл». Я сел за стол и тоже прикурил свою сигарету.

– Я на пару дней уеду на дачу. Это павелецкое направление.

– А когда приедешь?

– В субботу, у мамы день рождение в пятницу.

– Как насчет того, чтобы в субботу приехать ко мне? У тебя я уже был несколько раз, а у меня мы еще не были.

– Хорошо, давай, – Марина залила какао-порошок кипятком, – я правда не знаю, во сколько я приеду, вероятно, это будет вечер.

– Все нормально, я сам в субботу работаю, поэтому я вечером могу тебя встретить на Варшавской, а потом поедем ко мне.

Свет единственной лампочки в плафоне освещал кухню, которая была заполнена дымом сигарет и паром горячего какао. На столе лежали листочки с решенными задачами по химии. На них изредка встречался пепел. Я посмотрел на часы, до моего поезда оставалось около 25 минут. Подлив холодного молока в кружку, я залпом выпил какао.

– Надо топать, время, – я показал на запястье правой руки, будто там находились мои часы.

– Давай.

– Если не успею, я приду к тебе обратно.

– Хорошо, Вань. Напиши, как доедешь домой.

Я обулся и взял свою коралловую доску с синими колесами. Марина стояла в коридоре и наблюдала за тем, как я собираюсь. Перед выходом из квартиры мы поцеловались настолько крепко, что казалось я перенял от нее часть души, отдав ей добрую половину своей. Я вышел в подъезд и вызвал лифт, который, как это обычно бывает, был, видимо, проссан еще в конце 80-х годов.

На доске в штанах полных счастья я мчал до станции пригородных поездов. Фонари освещали мой путь. Ветер дул теплым потоком мне в спину. До отправления поезда оставалось совсем немного времени, поэтому я увеличил свою скорость прямо пропорционально тому, насколько быстро убывало время. Мимо меня пробежали бродячие собаки, которые играли между собой. Я не обращал на них никакого внимания.

Выехав на «финишную» прямую, я гнал что есть силы, делая небольшие перерывы на светофорах. Скоро я оказался возле билетных касс. В автомат по продаже билетов я закинул оставшиеся у меня 22 рубля и получил билетик. До поезда оставалось всего пять минут. Я прошел на платформу и закурил сигарету. Ко мне подошел какой-то местный обры-

ган и попросил закурить. Дав ему две сигареты из пачки, я прыгнул в поезд, который понес меня в Подольск, минуя все остановки.

Мы сошлись с Асей, и это было невероятно, и предсказуемо одновременно. Дело одного звонка.

– Вань... Я скучаю по тебе. Ты там спишь со всякими шлюхами, а я не могу без тебя! – она рыдала в трубку.

– Ась, ну ведь ты же понимаешь, что давать этим отношениям еще один шанс слишком глупо.

– Ты действительно так считаешь?

– Не знаю, я бы и хотел... Попробовать начать все с нуля, но мне кажется, что эта затея не самая здравая.

– Я люблю тебя, – проговорила она с надрывом в голосе мне в трубку.

– Знаешь... Я тоже тебя... Люблю. Давай попробуем, – в этот момент рыдания в трубке прекратились.

– Правда? – она сказала это своим самым серьезным голосом на пониженном тоне.

– Да, давай завтра пойдем гулять? Ты можешь завтра?

– Могу. Где и во сколько?

– Давай на «Театральной» в пять вечера?

– Хорошо, давай.

– Ладно, зай, мне надо спать. Сладких тебе снов.

– И тебе, зай.

Я повесил трубку. Лежа в кровати я глядел в потолок и

думал: «Глупец или действительно ее люблю, что вновь согласился на эту авантюру?» Ответ был прост и ясен как день: «И то, и другое в совокупности.» Лунный свет равномерно освещал комнату, лишь только темнота в коридоре говорила о том, что это была ночь. Желтый огромный шар на небе, словно из сыра, казался съедобным настолько, что хотелось есть, а живот заурчал в голодной панике.

Вечером я приехал на «Театральную», Ася опаздывала. Я ждал ее в центре зала. Мимо проходили люди. Кто-то из них спешил домой, кто-то все еще ехал, вероятно, по работе. Широкий зал метрополитена пропитанный запахом старых вагонов, напоминающий мне запах старой черной резины, временами казался либо совсем пустым, либо слишком забитым людьми. Теплый воздух проносился от одного выхода к другому, попутно залетая в тоннели, из которых периодически вылетали поезда темно-синего цвета с белыми полосами.

Ася спустилась по лестнице на станцию. Она неизменно была одета в джинсы, которые подчеркивали ее сочный таз, на ней была майка блекло-изумрудного цвета с широким вырезом, а поверх была накинута легкая белая рубашка. Она неизменно шла в наушниках, а ее ресницы были неизменно покрашены, что подчеркивало ее голубые как кусочки льда глаза с желтым пятнышком на правой радужке. Она подошла ко мне и вынула один наушник. Мы крепко обнялись, будто не виделись сотню лет и начали страстно целоваться. Мне не

хватало этих поцелуев. Люди проходили мимо, оборачиваясь на нас, делая недовольные мины, а затем уходили прочь.

– Куда пойдём? – спросил я, как только мы закончили высасывать из друг друга все соки.

– Не знаю, зай, куда ты хочешь?

– Давай выйдем на Красную Площадь, а затем пойдём в направлении к Третьяковке?

– Хорошо, пойдём.

Мы взялись за руки и шли так, как это было когда-то два года назад. Толпы иностранцев ходили по Красной Площади и делали фото. Мы проходили мимо мавзолея, гранит которого неизбежно погружал в темноту каждого, кто на него либо смотрел, либо того, кто к нему подходил. Слева от нас люди забегали в ГУМ, а выходили оттуда с матрешками, платками и мороженым. Мы шли прямо к Васильевскому Спуску молча, наслаждаясь нашей совместной тишиной, наслаждаясь друг другом. Величественный собор Василия Блаженного со своими карамельными куполами довершал такую красивую, но такую разную Россию, которая сокрыта на одной главной площади страны: красную, с коммунистическим прошлым, предпринимательскую и теистическую.

– А после того как погуляем, что будем делать?

– А что ты хочешь делать, Ась? – я посмотрел в ее глаза.

– Я хочу поехать к тебе, Вань.

– Хорошо, давай. Можем купить пиццу, если хочешь?

– Да, хочу. Расскажи, что у тебя было за последний месяц?

– Да, ничего серьезного особо не было. Я проходил практику в «склифе», ушел с поста старосты, работал много, сессию закрыл. А у тебя?

– Я закрыла сессию: сдала анатомию и английский на хорошо, а гистологию с биологией на тройки... Вань, а кто она?

– Она? Ты про кого?

– Эта девочка, с которой ты спал. Кто она?

– Я не хочу говорить об этом. Просто скажу, что это была попытка уйти от прошлого. Найти что-то новое.

– А почему у вас с ней все закончилось?

– Ася, потому что она не ты. Мне не хватало тебя.

– Ты ушел от меня к ней специально?

– Ася. Я просто думал, что с тобой у нас уже ничего не получится, поэтому мы расстались с тобой...

– Ты меня бросил, – проговорила она вполголоса.

– Пусть будет так, но тогда у меня были такие ощущения. Я думаю, что просто нам не хватает чего-то общего. Давай заниматься чем-то еще кроме секса. Давай читать книги, смотреть кино, обсуждать. Мне не хватало именно этого в тебе, поэтому тогда все закончилось. Я надеюсь, теперь все будет нормально. Да?

– Да, Вань, ты прав. Давай пробовать строить все с нуля. Нам действительно не хватало общих интересов.

Мы вышли на Большую Ордынку, которая сплошь покрыта старыми особняками. Стараясь идти не спеша, я пытался уловить каждый момент этой прогулки: запах волос Аси,

прикосновения, ее взгляд. Мы останавливались около каждого столба и целовались, как будто наши отношения и не заканчивались, а всегда были полные страсти. Легкий летний ветер трепал провода протянутые над нами, обдавая нас горячим потоком. Казалось, что мы вне времени. Его просто не было во всем белом свете. А я вновь согласился быть с ней. Она была моей панацеей, и большего мне не надо было. Дорога вела нас к метро, а мы оба знали, что сегодня мы поедем ко мне, займемся любовью, что будем лежать голые и мокрые под теплым одеялом, отдавая себя друг другу.

– Мы едем ко мне? – спросил я, когда мы заходили в метро на «Новокузнецкой».

– Да, едем к тебе. У тебя есть дома что-нибудь сладкое?

– Нет, но можем купить то, что ты захочешь.

– Хорошо.

Мы спустились вниз по эскалатору на станцию. Жаркий летний ветерок сменился там на прохладный вихрь. Вагон поезда принял нас как родных и унес в свой черный тоннель, в котором, как и всегда, виднелись только силовые кабели. Я обнял ее одной рукой за талию и прижал к себе, второй рукой я держался за поручень. Ася смотрела в мои глаза, а поезд мчался где-то глубоко под землей не оставляя и следа от тех, кто ехал в нем в тот летний вечер.

Иногда, чтобы познакомиться с девушкой одного раза недостаточно. Это действие чем-то напоминает попойку в

баре с друзьями. Сначала тебе недостаточно одного пива, а затем ты заказываешь по-новой, до тех пор, пока не пьешься в хлам. Вот также было и с Наташей. Одного короткого неловкого трехминутного общения было недостаточно, надо было еще раз как-то с ней пересечься и пообщаться. Но отношения – это не бар, где ты говоришь бармену: «И еще виски с колой сверху к заказу.» Нет, задача куда более сложная, а девушка – это даже не виски с колой. Девушка... Она как «зеленая фея».

Наташа увлекалась кинематографом. На этом мои познания о ней заканчивались. На эти познания и была сделана ставка. Пописывая для одного богом забытого журнальчика статейки, мне надо было написать скромную рецензию на новое бекмамбетовское говнище. Но в кино я разобрался как Бекмамбетов – дерьмово. Здесь то я и уцепился за возможность общения с Наташей.

– Мне сказали, что ты разбираешься в кино. Мне нужна твоя помощь, чтобы понимать, какое кино хорошее, а какое не очень. Поможешь? – спросил я у Наташи, когда подошел к ней на расстояние вытянутой руки в холле университета.

– Ну, знаешь, Вань. Я не знаю, умею ли разбираться я в кино... – залепетала она, – а кто тебе это сказал?

– Я думаю, что это не совсем важно. Ты же любишь кино, а по тебе видно, что муть ты явно не смотришь.

– Ну, я даже и не знаю, что тебе сказать...

– Как насчет того, чтобы сходить на «Лето» Серебренни-

кова. Ты еще не ходила на него?

– Нет, ну... Давай сходим... Это все так неожиданно...

– Хорошо. Тебе будет удобно в среду в 19:00?

– Да, я, вроде бы, ничего не планировала.

– Здорово! Я куплю нам билеты.

Сказать, что я сам охуел от своего напора – ничего не сказать. Не помню такого за собой ранее. Но встреча была назначена, а значит все шло как надо. Главное, чтобы она пришла. С приподнятым настроением я вышел из учебного корпуса и направился к метро. Оставалось только найти денег на поход в кинотеатр. Финансы пели романсы, как и моя душа, собственно.

Я нашел деньги достаточно быстро. Подшабашил курьером. Билеты на поход в кино с красивой девушкой были у меня в кармане, поэтому перед назначенным днем мы подтвердили друг другу нашу договоренность. И вот незадача: я был бы и счастлив подобному раскладу дел, да только сбилась романтическая спесь. Я не знал, о чем и как с ней говорить. О кино невозможно долго разговаривать, если не сесть в этом нифига. Мне оставалась только импровизация.

Мы встретились на Краснопресненской около кинотеатра «Соловей». Наташа была одета в платье в бело-синюю полоску, а на плече она несла небольшую холщовую сумку, в которой лежала книга с черно-белой обложкой.

– Что читаешь? – спросил я, когда мы прогуливались в направлении к Белому Дому в ожидании сеанса.

– Акунин. Детективы. Знаешь?

– Знаю, но не читал. Не особо люблю детективы. И как, интересно?

– Да, впечатляет. А ты что читаешь? – спросила она своим неизменно тихим тонким голосом.

– «Бледный огонь» Набокова. Люблю Набокова. Ты читала?

– Только «Лолиту». Очень грязная книжка, как мне показалось.

– Ну, с нее все начинают. Но как по мне, у него есть не менее прекрасные вещи.

– Например?

– «Подвиг», «Смотри на Арлекинов», например. Почему ты пошла в мед?

– Выбор был небольшой. Вот я и взяла целевое. А ты?

– Когда-то я хотел быть врачом-травматологом. Но это было очень давно, – я посмотрел на памятную доску, что стоит за Белым Домом. Она напоминала о событиях октября 93 года, – Какие у тебя ожидания на счет «Лета»? Все говорят, что фильм не очень.

– Не знаю, не посмотришь – не узнаешь. Я так думаю. Но, мне кажется, что люди зря его ругают, думаю будет на уровне.

– Скоро начало. Пойдем обратно, – я посмотрел на циферблат часов.

– Да, пойдем.

В холле кинотеатра собралось огромное количество людей. Кто-то стоял в очереди в кассу за билетами, кто-то с противоположной стороны стоял в очереди за поп-корном. Нам надо было купить воды, поэтому мы встали во вторую очередь. Кондиционер явно не спасал этот огромный зал. Было душно, стоял запах свежей кукурузы, который напоминал мне мой самый первый поход в кино, когда я был еще ребенком. Купив воды, мы поднялись на второй этаж, где должен был пройти сеанс.

Места я выбрал весьма неудачные. Это был первый ряд, а мы были на нем единственные. Кресла были устроены так, что человек, сидящий в них, как бы полулежал и полусидел одновременно. Шея затекала очень быстро. Началась первая сцена фильма: Майк Науменко, которого играл Рома Зверь, исполнял в стиле хэви-метал песню «Дрянь». Это был эпичный и драйвовый заход фильма. Прямо в сердце. К концу фильма, моя спина совсем охренела, а Наташа сидела и плакала над сюжетом ленты.

Мы вышли из кинотеатра. Стояла теплая июньская вечерняя погода. Я достал пачку синего «BOND» и засмолил.

– Когда у тебя электричка? – спросил я у Наташи.

– Через 45 минут.

– О, значит у нас есть время, чтобы прогуляться до «1905 года». Прогуляемся?

– Давай. Тебе понравился фильм? – спросила она у меня.

– Очень. Это было мощно. Зря его ругают, очень зря.

– Я тоже так считаю, только шея затекла.

– У меня тоже, – кивнул я в ответ и сделал затяжку.

Самое тупое, что может только быть в этой вселенной – ожидание на станции метро «Варшавская». Сначала ты стоишь и просто ждешь, затем садишься на перекладину около инфомата и продолжаешь ждать. Единственное, что может скрасить процесс ожидания – чтение. «Бледный огонь» Набокова разминал мой мозг, как когда человек разминает мягкий поролоновый мячик в процессе донорства крови. Так: «Жмяяк-жмяк, жмяк-жмяяк.» Иногда отвлекаясь от книги, я смотрел вдаль и вокруг себя, чтобы не проглядеть появление Марины, дабы пойти ей на встречу при первом появлении ее на станции. Отвлечение от чтения неминуемо приводит к тому, что мозг начинает доставать потаенные философские мысли из своих черных шкафчиков; неминуемо ты стоишь как последний дегенерат на этой платформе, твои глаза бегают в поиске знакомого и, самое главное, искомого тобой лица, а затем начинаются безмолвные рассуждения на темы поиска внутреннего «я», осознания красоты русской классической литературы, рассуждения о будущем и прочее.

Я увидел знакомое лицо в толще лиц. Это была не Марина. Это была Катя. Моя первая любовь. Она посмотрела на меня издалека. Я посмотрел на нее в ответ. В те минуты моя душа встрепенулась как первые опадающие листья тополя в конце июля. Иначе это чувство можно описать как «на измене».

Гляделки закончились тем, что она села в приехавший поезд до станции «Севастопольская», а я остался сидеть с книгой в руках, терзаемый философскими вопросами, поиском Марины в толпе спускающихся людей, идиотским чувством ментальной встречи с человеком, который однажды сыграл свою, пусть даже и трагичную, роль в моей жизни, но все же роль. А в моих руках лежал небольшой томик Набокова раскрытый на одной из страниц. Я продолжил свое чтение.

Поезда постоянно то приезжали, то уезжали. Глаза пробежали по тексту то вправо, то влево. Мимо меня ходили полицейские в черной форме то взад, то вперед, постоянно косясь на меня. Это могло продолжаться до бесконечности и продолжалось бы до тех пор, пока мне не пришло сообщение. Марина писала, что она через несколько минут спуститься в метро. «Аллилуя,» – подумал я, – «еще пару минут и я сойду с ума.» Я закрыл книгу, замяв уголок на страничке и пошел к одному из выходов. Полицейские были явно удивлены тем, что я таки встал и куда-то пошел, но они так и не решились подойти и проверить мои документы. Я шел твердым шагом, ступая по каменному полу станции, оставляя свой невидимый след.

Марина прошла турникет. Когда мы встретились, я обнял ее нежно за талию. Она пахла костром и шашлыками. Мы спустились вниз по лестнице на платформу. Поезд подъехал, на удивление, быстро. Зайдя в вагон, мы встали около дверей.

– Как прошел день рождения мамы?

– Хорошо, только все кроме нас с братом быстро ретировались в дом. Мы еще с ним сидели и курили, смотря на звезды. Как дела на работе?

– Все, слава богу, хорошо. Устал немного. Мы сейчас заедем к тебе, а потом ко мне, верно?

– Да, именно так. Мне надо переодеться и забежать в душ.

– Хорошо. Тогда поедим уже у меня?

– Да, давай, это будет очень даже логично.

Дома у Марины все было неизменно. Я ожидал ее все также на кухне, пока она была в душе. Сделав себе кофе, я, облокотившись на стену, сидел и созерцал потолок. Муха пролетала под плафоном люстры, назойливо зудя, она совершала кульбит, а затем приземлилась на кухонный гарнитур. Большая черная муха. Я сделал глоток кофе. Телефон вибрировал на столе, задевая пепельницу, в которой тлел окурок. Я сделал глоток кофе снова.

Марина вышла из ванной в нижнем белье. Она была чертовски хороша: черная кружевная комбинация смотрелась на ней очень сексуально. Она пошла в свою комнату, а через пару минут уже вышла оттуда в свежем платье красного цвета. Я допил кофе.

– Я готова, поехали?

– Да, поедем.

Мы вместе обулись в прихожей, а затем вышли в подъезд. Дорога до электрички была совсем не долгой. Светило лет-

нее вечернее солнце. Секунды пролетали, переходя в минуты. Очень быстро мы оказались на платформе. Также быстро на платформу прибыл поезд. Дорогой Марина читала книгу. Что-то из натурфилософии. Я же открыл своего Набокова. В поезде было очень мало людей, поэтому дышалось легко. Кондиционер справлялся со своей работой.

Дома у меня творился бардак. О чем я, конечно же, предупредил Марину заранее. Мы зашли в квартиру, где нас встретила моя кошка.

– Мяю.

– Привет, Тома.

– Уууу, какая она классная! Сколько ей?

– 14 лет. Но по ней не скажешь, – я улыбнулся и потрепал Тому в области шеи, – смотри, эта кошка – флегматик, как и ее хозяин, поэтому лучше не пытаться ее ловить, она сама к тебе подойдет.

– Хорошо, Вань, – Марина разулась и поставила кеды в галошницу, – а ты неплохо живешь, – сказала она, когда зашла в комнату, – сколько тут?

– 40 квадратов. Чай или кофе?

– Конечно, чай.

Я вышел на кухню и поставил чайник. На часах был девятый час. Помыв руки, я начал готовить.

– Где у тебя можно курить?

– На балконе. Сегодня будет курица, ты не против?

– Нет, я даже за.

Пока я готовил, Марина пыталась поймать кошку. 15 минут бегов за Томой сделали свое дело. Довольная Марина вышла на кухню в руках с недовольной кошкой. По выражению кошачьей морды было понятно, что Тома была не готова к такому повороту событий, ибо вот уже на протяжении года за ней никто не бегал и не пытался ее поймать. Я посмотрел в их сторону. Потрясающее зрелище.

Вечер шел достаточно бурно. После ужина мы сидели в комнате, пили вино и пели песни под гитару. Было уже достаточно темно, а мы так и не включили свет. Я положил гитару, когда закончил играть, и мы, целуясь, в объятьях упали на диван. Это все продолжалось очень долго. Мы легли вместе под одеяло. Там было жарко. Я расстегнул одной рукой ее лифчик, ее трусики уже давно были сняты. Она лежала подо мной такая теплая и такая страстная, но полностью владевшая ситуацией, как ей владеют только опытные девушки. Я покрывал ее тело поцелуями, не пропуская ни сантиметра ее белой кожи. Марина чувствовала меня каждой клеточкой себя.

Мы закончили заниматься любовью только к пяти утра. С одной стороны, это был жгучий и страстный секс, который взъерошил меня, трепанул меня до самого основания. С другой стороны, я не чувствовал к ней больше ничего, я стоял на балконе и курил, пока она спала, и мне было абсолютно все равно на нее, лежащую и спящую на моем диване.

Когда она проснулась я подошел к ней с кружкой чая. Мы

полежали на кровати еще с час, не говоря ни слова. Оба мы пилились в потолок, и не было между нами ничего.

– Вань.

– Марина.

– Давай больше не будем встречаться?

– Почему? Ну, если ты хочешь – давай не будем.

– У нас нет ничего больше общего кроме сегодняшней ночи. А я исполнила свою мечту, мечту своего подростка. Ту, которая была во мне с момента нашей первой встречи.

– Хорошо, Марина. Давай останемся друзьями.

Мы встали с кровати, пошли на кухню. Там нас ждал готовый завтрак на двоих. Мы поели молча, практически затаив дыхание. После завтрака Марина надела свое красное платье и обула свои кеды. Я вышел, чтобы проводить ее до лифта. Когда лифт приехал, она прыгнула в него, послав мне воздушный поцелуй. Я пошел на лестничную клетку, где закурил сигарету.

– Ты скучала? – сказал я шепотом Асе, когда входил в нее.

– Да, – ответила она мне на вдохе, – просто еби меня, Вань.

– Как последнюю блядь?

– Как последнюю блядь.

– Будешь моей шлюшкой?

– Да, выеби меня как последнюю шлюшку. Сильнее, еще... – сказала она, когда я наращивал темп.

Ася – не женщина, она – секс-машина. Этот раз не был

исключением. Было настолько горячо и влажно, что одеяло промокло насквозь. Единственная ее нелюбимая позиция – наездница. Ну, это не беда, когда все остальные любимые. Трахаться как животные – вот как надо трахаться. Трахаться, чувствуя себя приматом или огромным львом, главное – инстинкт к сексу всегда должен быть.

– Можешь кончить куда хочешь, только не в меня, – она явно чувствовала, когда я подойду к концу.

– Хорошо, – на излете своих возможностей я достал свой член из ее вагины и кончил ей на живот.

– Это было охуенно, – она повернулась на бок ко мне лицом. Этот поцелуй был таким же горячим как и этот секс.

– Кофе? – спросил я, когда мы закончили целоваться.

– Давай, только не крепкий. Я пока схожу в душ.

Я встал абсолютно голый и побрел на кухню. Отпив немного воды из чайника, я поставил его кипятиться. В проме я увидел, как Ася прошла из комнаты в ванную. Я постоял на кухне еще несколько минут, переводя дух, а затем последовал за ней.

– Я не залечу?

– Нет, я все сделал нормально.

– Хорошо, Вань, я тебе верю.

– Какой фильм будем смотреть?

– Давай мультик?

– Хорошо, тогда сама выберешь, ладно?

– Да.

Я заглянул к Асе под ширму. Она намазывалась гелем для душа. Горячая вода стекала по ее коже. Она посмотрела на меня. Мы стояли друг напротив друга. Чарующий момент, ничего не скажешь.

– Я тебя люблю, – сказала Ася.

– А я тебя, – ответил я.

Я вышел снова на кухню, где закипел чайник. Кипятком я залил смесь молотого кофе и сахара. Кофеинки поднялись вверх, образовав небольшую пенку, а затем, после того как я размешал содержимое ложкой, они начали медленно оседать на дно, насыщая раствор кофеином и эфирными маслами. Добавив молоко, я вышел с двумя чашками кофе в комнату и поставил их на кофейный столик. Ася лежала на кровати, завернутая в банное полотенце зеленого цвета, листая ленту ВК.

– Ну, ты решила, что мы будем смотреть?

– Я подумала, давай посмотрим «Властелин Колец»?

– Хорошо, давай. Я давно его не смотрел.

Достав ноутбук, я ввел в поисковой строке название фильма. Не скажу, что я являюсь поклонником саги Толкиена, но в пятилетку глянуть можно. Ася сняла с себя полотенце и накрылась одеялом. Я включил фильм.

Точка кипения пришлась в аккурат на декабрь. Каждый, кто хоть раз был студентом знает: декабрь – месяц ада. Месяц, в котором надо сделать все, что не делал на протяжении

нии семестра. Я поймал себя на мысли, что ужасно несчастлив. Чертовски несчастлив. Наши отношения с Асей увязли все в том же болоте, в котором они тонули в прошлый раз. Но формально поводов для расставания не было. Это была смесь адреналина, муторности и непроглядной задницы.

Так вышло, что возобновление отношений с Асей оборвало все концы моих взаимодействий с Наташей. Мы практически не общались. И вот в конце декабря все развернулось на 180 градусов. Я решил написать Наташе. На мое удивление общение было живым и достаточно перспективным. В свою очередь любовь к Асе угасла совсем.

Я пригласил Наташу в кинотеатр на «Богемскую рапсодию», которая все еще шла в «Соловье». Стояла холодная зимняя погода с изредка поднимающейся вьюгой. Я ждал Нату около «Краснопресненской». Руки замерзали как не в себя. Мимо летали машины, а холодный ветер доносил снежинки, которые падали с небес на мою куртку. Дабы не замерзнуть окончательно, я зашел в вестибюль станции, где стояли такие же маргинальные личности как и я.

Ната сходила с эскалатора в своем голубом пальто подвязанном поясом. Она была неизменно в своих очках. Я приблизился к ней.

– Привет!

– Привет! У нас до сеанса еще тридцать минут. Может сходим, купим кофе? – предложил я.

– Хорошо, только не кофе, а какао.

– Какао так какао, – я согласился с ней, – как скажешь.

Мы вышли из холла станции. Зимнее вечернее небо обрамляло сталинскую высотку. Огни как рассыпанный бисер были разбросаны по улице. Мы шли к шоколаднице. Между нами, как мне казалось, изменилось только время года.

– Что сейчас читаешь?

– Ну, сейчас у меня только патология с собой. Ведь скоро экзамен. Ты сел готовиться?

– Нет, еще не садился. Сяду ближе к делу. Сейчас я занимаюсь микробиологией.

– Холодно, правда?

– Да, очень холодно. Но это же зима.

– Верно.

Мы зашли в кафе, где было очень тепло. Я сделал заказ. Удивительно то, что Наташа снова появилась в моей жизни, а не послала меня на хер. Казалось бы, что ей стояло сказать: «Иван Востоков, а не пошел бы ты в жопу?» Но она так не сказала, так что в моей душе все еще теплилась надежда на благополучный исход этого мероприятия. Вероятно, самое главное – не «ударить в грязь лицом», попытаться вернуть все на тот этап, когда связь еще не оборвалась. Но это фантастика, если честно, в которую я не верил.

Мы вышли из «шоколадницы» снова на этот лютый мороз. «Главное, не отморозить себе яйца,» – подумал я и достал пачку сигарет. Ветер постоянно задувал пламя моей зажигалки, так что я очень долго и упорно чиркал ей, расхо-

дую лишнюю энергию своих пальцев. Окончательно прикурив сигарету, я и не заметил, как мы подошли к светофору.

– Как твоя подготовка?

– Ну, как... Идет. Я не особенно уверена за микроу, но патология стоит у нас первым экзаменом, поэтому я стараюсь делать упор сейчас именно на нее. По микробиологии у меня не хватило пары баллов до автомата. У тебя автомат по ней?

– Нет, какой автомат? У меня их никогда не было.

– Стоп, ты же очень хорошо знаешь микроу.

– Знать и иметь автомат – две очень разные вещи, знаешь ли. Но я как-то и не запариваюсь на этот счет.

– Понятно... – между нами пока мы переходили дорогу прошел человек, – привет, – Наташа протянула мне руку.

– Эм, в смысле? – я пожал ее руку с неким недоумением.

– Когда между вами проходит человек, надо снова поздороваться. Знаешь, примета такая.

– Понял, принял.

Когда мы подошли к кинотеатру, моя сигарета уже была докурена. Я смело отправил ее в мусорную корзину. Мы поднялись по каменной лестнице ко входу и влились в общий поток людей, которые как и мы шли на сеанс. Люди в очереди зимой в этих огромных тулупах всегда похожи на пингвинов. Они очень весело шатаются: вправо – влево, вправо – влево. Мы были ровно такими же пингвинами в очереди за билетами.

– Судя по всему, нам достанутся нормальные билеты, –

сказал я Нате, выглянув за плечо впереди стоящего человека, – зал не такой полный.

– Ну дай бог.

С билетами мы вошли в зал, в котором и правда было очень мало людей. Видимо, остальные успели сходить на «рапсодию» еще в октябре, когда этот фильм был объявлен. В зале, преимущественно, сидели, такие же как и я, бедные студенты, у которых нашлись лишние 200-300 рублей на поход в кинцо холодным зимнем вечером. От самых мажористых, а именно от тех, у кого были лишние 400 рублей, пахло поп-корном. Эти неведомые личности словно по пирамиде Маслоу расселись на самом верху. Я и Наташа сели на свои места в центре зала.

Фильм был снят очень круто. Я бы сказал феерично. Как мне показалось, режиссер подобрал актеров настолько похожих на участников группы «Queen», что присутствовало ощущение, будто непосредственно ее участники омолодились разом и воскресили Фредди. Даже те места, где показали откровенную неправду, выглядели настолько ярко и правдоподобно, что я испытал 10 моральных оргазмов из 10.

После киносеанса я решил проводить Нату до ее города. Путь откровенно не ближний, но жить можно. Мы ехали в метро, на удивление, забитом людьми. Складывалось ощущение, что весь Красногорск разом решил выехать утром из Красногорска, а затем вернуться туда в одиннадцатом часу вечера.

– Ты можешь меня не провожать... Я доеду, – сказала мне Наташа, когда мы подъезжали к Тушинской.

– Знаешь, Нат, мне так будет спокойнее. Время позднее. Я то доеду до дома.

– Ну... Как знаешь. Поехали, – ответила Наташа, когда поезд синего цвета прибыл на станцию.

Мы вышли из метро вместе с общим потоком людей. Не так часто я бываю на «Тушинской», поэтому выход к станции пригородных поездов мне показался лабиринтом, который сделали специально для того, чтобы запутать как можно больше народа. Когда мы вышли из этого ебанного лабиринта (здесь бы я без Наташи не справился точно), я подошел к билетным автоматам и опустил туда несколько десятков. Электричка прибывала с минуты на минуту, поэтому когда автомат таки выплюнул мне билет, мы быстро побежали на платформу, чтобы успеть забежать в теплый от дыхания людей вагон.

Как и в любом женском обществе, в ВУЗе мне дали понять (лучше бы просто дали), что гулять с двумя бабами – дело грешное и херовое. Что этот кульбит может стать «мертвой петлей», а значит отрицательно скажется на мужском здоровье посредством отрыва яиц. Короче, надо было решать: расставаться с Асей и продолжать взаимодействия с Наташей, которая вот уже несколько дней игнорировала меня или продолжать отношения с Асей и забыть на всю эту историю с На-

ташей. Очевидно, это был сложный выбор. Выбор, который надо было сделать, ибо слухи в этой шараге распространяются настолько быстро, что ты пернуть не успеешь, как все уже об этом знают.

Я позвонил Асе. Мне надо было назначить ей встречу, чтобы решить вопрос об отношениях. Я был твердо и решительно готов на то, чтобы расстаться. Но сделать это, по моей задумке, надо было лично и никак иначе.

– Привет. Мы сможем с тобой встретиться на Киевской в пять в среду?

– Зачем? – судя по голосу Ася напряглась.

– Ну, в смысле, «зачем»? Я хочу с тобой встретиться.

– Ты хочешь меня бросить?

– Нет.

– Тогда что?

– Я хочу с тобой увидеться.

– Зачем? – ее напряжение усиливалось. Казалось, будто она начнет сквозь динамик посылать мне шаровые молнии.

– Я хочу с тобой увидеться и поговорить. Что в этом такого?

– Ты хочешь меня бросить? – она опять повторила этот вопрос, как делают психиатры, когда к ним на прием приходит человек с биполярным расстройством, и они спрашивают его про попытки суицида.

– Нет... – я обдумывал, что мне надо сказать.

– Тогда что, Иван?

– Нет, я не хочу тебя бросать... Ты что, вещь что ли?

– Тогда что? Иван. Зачем тебе эта встреча?

– Я не хочу тебя бросать... Я просто... Я просто, – я сделал глубокий вдох. Такой вдох обычно делают, когда хотят проплеветься после очередной попойки, – я просто хочу с тобой расстаться.

– Понятно, – Ася промолчала еще 1-2 секунды, – иди ка ты на хер, Иван Востоков. Мудак, – она повесила трубку.

Я стоял на кухне и смотрел в окно на ночной город. Мимо пробежала кошка. Она хотела жрать. Я понимал, что только что в очередной раз я закончил очередные отношения с Асей. Я закончил их не так как хотел. Я просто закончил их как законченный мудак.

Не знаю как так вышло. Наташа продолжала игнорить все мои сообщения. Честно, я не совсем понимал, что происходит. Самым простым поступком в данной ситуации я посчитал разговор. Простой обычный разговор. Оставалось подобрать только время и, собственно, место.

После лекции по педиатрии, которую читали всему потоку, я подождал, пока она выйдет из корпуса.

– Ната! Привет! – я перехватил ее, когда она выходила из дверей корпуса.

– Привет.

– Ты к «Киевской»?

– Да, а ты?

– Я тоже иду туда. Не хочешь пройтись вместе?

– Ну... Хорошо.

Первые пять минут мы шли молча. В заснеженном парке возле стадиона «Буревестник» на снегу отражались редкие огни фонарей, которые долетали сквозь кроны заснеженных деревьев. Необходимо было как-то начать диалог. Но не скажешь же ты прямо в лоб: «Чет как-то общение у нас не клеится, что происходит?» Нееет, не скажешь. Как и не скажешь: «Нат, ну ты же мне нравишься, что происходит? Почему ты игноришь меня аки мозг мне трахаешь?» Надо было придумать что-то более или менее незаурядное, но и в то же время, чтобы можно было хоть как-то развивать диалог.

– Наташ. Знаешь, – я начал с универсальных фраз, – вероятно, это очевидно и понятно, что ты мне нравишься.

– Это более, чем очевидно, Вань. Только ты мне не нравишься. Я не хочу отношений. С тобой.

– Понимаешь. Я думал, что мне необходимо разобраться со своим бэкграундом. Я пытался в нем разобраться, чтобы... – какая-то каша лезла мне в мозг, – чтобы осознанно подойти к тебе и...

– Вань, я все понимаю, но, увы. Ты хороший парень. У тебя все будет очень классно. Но... Я не хочу с тобой отношений, – она мимолетно посмотрела на меня в свете светофора, а затем снова повернула свой взор на дорогу.

– Хорошо, я понял. Ну нет, так нет. Пойдем, просто дой-

дем до «Киевской». Правда сегодня очень хорошая погода?

– Да. Погода замечательная.

Мы шли по вечерней зимней Москве. А в моей голове выводы находились сами собой: да, я остался честен перед всеми сторонами, а главное перед собой. Дорога лежала вперед, и я не испытывал ни малейшего сожаления о том, что сделал, о том, что было. Проблема «любви» локализовалась, а в этом случае главное помнить: «Нет женщины – нет любви. А если ее нет, то и проблемы быть не может.» Впереди, где-то вдалеке, мерцал мост «Богдана Хмельницкого», вероятно, там самое теплое место, пока идешь до «Киевской» зимним вечером.

Ириша.

– Ты еще занимаешься репетиторством? – мне звонил мой бывший ученик Миша, которому я когда-то объяснял гистологию за сущие копейки. Он был в свое время близким другом для моей бывшей девушки Аси.

– Да, если есть такая возможность, я преподаю. У тебя есть кто-то кому нужен репетитор?

– Да, знаешь, есть одна девушка... Она никак не может сдать гистологию... Осталась одна попытка.

– Хорошо, Миш. Скинь мне ее, если она согласна заниматься. Я уже договорюсь с ней о времени.

– Окей, Вань, жди. Спишемся!

– Добро, – пробубнил я в трубку, наливая холодное пиво в кружку, – буду ждать, пока, – я повесил трубку.

В течение пяти минут Миша прислал мне ссылку на страницу Иришы. Судя по фотографиям, это была уверенная в себе блондинка, которая к тому же еще и носила очки. Посмотрев пару фотографий, я отхлебнул холодного пива и написал сообщение: «Привет! Мне твой контакт дал Миша. Тебе нужна помощь с гистологией?» Долгого ответа на письмо ждать не пришлось, Ириша ответила почти моментально: «Привет. Да, у меня есть небольшая проблема с гистологией. К слову, осталась последняя попытка на экзамене. Ты давно преподаешь?» Прочитав письмо, я мысленно посчитал свой репетиторский стаж. «Да, вот уже третий год. Где и когда мы начнем занятия?» – отвечал я. «Я могу в среду после 6 вечера. Тебе будет удобно?» – она будто читала мои мысли. «Идеально», – написал я, – «тогда в библиотеке в 18:00 в среду».

Последняя попытка на гистологии означает лишь то, что этому нерадивому студенту предназначаются пиздюли на экзамене. У каждого в ВУЗе есть тот предмет, на котором во время экзамена ему раздают пинков под жопу. В медицинском университете – это гистология (хотя не у всех). Как правило проблема гистологии решается просто, но дорого. Хотя, если дорого, это скорее всего непросто по своей сути. Решение заключается в том, чтобы ходить на «дополнительные занятия» к определенному преподавателю, который в свою

очередь сделает вид, что он научит чему-нибудь студента на них, студент сделает вид, что освоит эти знания, а потом вместе они сделают вид на экзамене, что студент отвечал на удовлетворительно, а препод заслуженно впаил ему эту оценку. С моей же стороны были две причины, почему я согласился взять эту девушку себе в ученицы: первая причина – я ненавижу коррупцию; вторая причина – патологическое нищевродство при полном багаже знаний предмета. «Деньги полученные честным трудом – это всегда заебись», – так я думаю, когда иду на подобные сделки, даже если они заведомо проигрышные.

Главное – условиться, гласно или нет – похуй, что скорее всего на последней попытке вашего ученика с вероятностью в 95% будет ожидать разъеб по той причине, что он не пошел «вляпываться» в коррупционные схемы. Это негласное условие между нами также заключалось в том, что у нее весьма незавидное положение, что она знакомая или может быть подруга моего бывшего ученика, что я – студент-нищеврод, и мне скорее необходимы средства на существование, а плюс, ко всему выше названному, я сделаю ей скидку в 40% от стоимости моего занятия (хотя, последнее – моя прихоть, дабы зацепить новую ученицу). Второстепенное по важности – договоренность о месте встречи и времени.

Являясь огромным прокрастинатором, я, как и полагается самому проебывающему преподу всея Руси, сел за подготовку лекции за 2 часа до ее начала. В библиотеке медицин-

ского ВУЗа всегда весело сидеть. Причин тому несколько, но, наверное, есть две главных: первая – огромное количество весьма и весьма сочных студенток, которые сидят, нагнув головы над книгами по анатомии или микробиологии, или прочими фундаментальными науками; вторая – трудность извлечения материала из своей черепной коробки за такой небольшой временной промежуток, когда столько сочных задниц сидит впереди. Возможно, единственное правильное решение, в таких случаях, – нахлестаться американо как следует и покушать вкусного пирасетама. Совершив эти нехитрые манипуляции, можно не беспокоиться, что за 2 часа работы результат будет достигнут – материал станет воспроизводимым, а кошелек потолстеет ровно на два «Ярославля».

Закончив с подготовкой, ровно как по будильнику я собрал все свои вещи, получил обратно свой студенческий билет и вышел в коридор. Коридор был практически пустынным, за исключением компании девочек из Ирана, которые что-то обсуждали на персидском. «Плевать в потолок» лучше, чем страдать от безделья, поэтому я решил это делать напротив иранской компании. Обновив ленту ВК, я взглянул на часы. Прошло уже 15 минут от назначенного времени, а Ириши все еще не было. Посмотрев в сообщения, я увидел от нее письмо, в котором говорилось, что она опоздает минут на 20-30, что она просит меня подождать ее. «Какого хера я не беру комиссионные?» – проговорил я как-то про се-

бя и продолжил ждать, плюя в потолок. Чтобы хоть как-то себя развлечь я решил немного поговорить с иранками. Так бывает, что из всей компании иностранных студентов всегда найдется одна, но чертовски привлекательная девушка. Я обратился к компании по-английски:

– Вы откуда? – спросил я.

– Мы из Ирана, а ты немец? Ты похож на немца, – мне ответила та, что была самой привлекательной.

– Увы, нет. Я скорее поляк.

– А сколько тебе лет?

– Мне 22. Ты на каком курсе? – спросил я у привлекательной иранки, ибо те, что сидели с ней просто молчали.

– Первый курс лечебного факультета. Ты тоже с лечебного?

– Нет, я с медико-профилактического.

– Хммм, – она задумчиво протянула «м», – я не знаю что это...

– Я тоже плохо понимаю что это, – ответил я слегка улыбаясь, – мы – эпидемиологи, бактериологи и т. д.

– Аааа, – протянула долгую «а» красивая Иранка. Пока она тянула свою долгую «а», ее подруга, что сидела рядом показала на часы, – ой, нам пора идти. Пока, поляк!

– Окей, пока, иранка! – попрощался я, когда они разом встали.

Иранская компания также быстро испарилась, как быстро появилась Ириша. Было ощущение, что она просто те-

лепортировалась к этому мягкому дивану, на котором я сидел. Она была достаточно высокого роста для девушки (судя по моей градации), даже выше меня, как я потом узнал. Ее длинные белые волосы спускались чуть ниже груди. Средней густоты русые брови обрамляли ее глаза серого цвета весьма необычного и красивого разреза, слегка смахивающего на азиатский. На лбу был небольшой шрамик-точка. Ее волевые скулы как бы подчеркивали лицо, делая его немного квадратным. Ириша была в черных прямоугольных очках, идеально сидящих на переносице, что я, конечно, не мог про себя не отметить. Ее полные губы красного цвета раскрылись, подбородок пошел вниз, и она сказала: «Привет!» С полсекунды еще мне понадобилось, чтобы оценить ее внешний вид. Она была одета в юбку-карандаш и белую блузку. Ее сексуальные ноги сделали еще один шаг в направлении меня, так что я смог оценить всю красоту и широту ее бедер. Единственное, что у нее явно отсутствовало – грудь. «Ну хотя бы жопа есть», – подумал я и встал ей на встречу.

– Привет! Меня зовут Иван, ты, как я понял, Ирина?

– Да.

– Ну рассказывай, что у тебя там с гистологией.

Ириша рассказала про свои проблемы с гистой. Ее случай был типичен, наверное, для всех, кто попадает на пересдачи: на первую попытку она не пошла, вторая попытка была неудачна, третью попытку она пропустила по причине недостаточной подготовки, а четвертая попытка была зава-

лена как и вторая. После ее рассказа я начал вести лекцию, изредка поглядывая в свой справочный материал. На протяжении двух часов я пытался забить в эту, как оказалось, пустую головку ненужные, как это оказалось в дальнейшем, знания. Когда занятие кончилось, Ириша дала мне два заветных «Ярославля», и мы договорились встретиться с ней еще раз, чтобы провести еще одну лекцию.

Практически всегда под Новый Год у меня огромный наплыв дел на работе, ибо все всегда стремятся закончить свои дела перед этими долгими, убивающими печень и почки, праздниками. По мимо моей работы я не без собственного удовольствия выполнял свои функции старшего брата – сидел с младшим, которого я просто обожаю. Но все это было лишь лирическим отступлением, ибо наши с Иришей занятия постоянно переносились, что оставляло меня, естественно, без дополнительного дохода перед праздниками, на которые всегда нужно иметь достаточное количество денег. Но сказать по правде, это меня не слишком расстраивало, ибо в моем кармане всегда денег было как говна от мухи. Нихера.

Вторая наша встреча была неожиданностью для меня. Это произошло настолько случайно, что даже самые обычные случайности меркнут на фоне этой. После успешной сдачи зачета по фармакологии я и мои одногруппницы шли в «Макдоналс» на «Фрунзенской». Огромными хлопьями снег падал на замерзший асфальт Трубецкой улицы. Проходя ми-

мо МДМ, я увидел знакомое лицо Ириши. Она не осталась в долгу и тоже меня заметила. Сказав своим компаниям, что мы в скором времени подойдем, мы остались стоять посреди потока прочих студентов, которые либо шли к метро, либо шли в рестораны быстрого питания. Ириша в тот вечер шла в профком университета (абсолютно марионеточная и бессмысленная организация в нашей шараге). Там она выполняла такую же никчемную и никому не нужную работу, за которую еще и не платили. Постояв еще пару минут и поговорив на темы дел насущных, мы пошли в кофейню, чтобы хоть как-то согреться холодным зимнем вечером.

– Это не слишком моветон, что я забрала тебя у твоей компании?

– Нет, я думаю, что все нормально. Я еще успею съесть свой чизбургер с ними. А я, в свою очередь, не сильно тебя задерживаю?

– Подождут. Все нормально.

– Прости, что так получилось все с гистологией, но я и правда не мог провести тебе занятия. Ты в итоге сдала?

– Да, я сдала. На три, но сдала. Правда мне так и не пригодились те знания, которые я от тебя получила, – она слегка засмеялась.

– Какой кофе будешь?

– Давай... – она задумчиво посмотрела на табло, где были написаны названия напитков, – капучино.

– Хорошо, – сказал я и заказал ей большой капучино, а

себе американо, – как в итоге ты сдала экзамен?

– Бартер. Я помогала в иностранном деканате, а они в свою очередь договорились с кафедрой.

– Умно, ничего не скажешь, – я сделал обжигающий глоток, порция американо прошла по моему пищеводу.

– А как у тебя дела?

– Сегодня сдал фарму. Расстался с девушкой. Ничего примечательного.

– А почему расстался?

– Потому что отношения зашли в тупик. Все банально.

– Просто у тебя никогда не было такой девушки как я.

Я отпил еще немного кофе, сделав вид, что не слышал ее последнюю фразу. Далее наш разговор строился вполне обыкновенно: разговоры об учебе, работе, младших братьях. Допив кофе, мы вышли на улицу, где нас встретил поток холодного январского ветра. Мы шли, огибая МДМ со стороны входа в метро. Одинокий музыкант играл песню «Another brick the wall» группы «Pink Floyd». Снег, освещенный падающим светом фонаря, что стоит около кафе «Му-му», пронзал воздух, подсвечивая снежинки, ложившиеся на звукоусилитель музыканта. Они тут же таяли, превращаясь в воду, которая собиралась из маленьких капель в большие, они, в свою очередь, стекали по черному корпусу динамика, оставляя мокрые следы.

С Иришей мы остановились около входа в «мак».

– Мне надо идти в профком, а тебя ждут твои.

– Да, и правда, долго мы с тобой задержались. Но, мне кажется, никто этого кроме нас не заметил.

– Надеюсь, что да. До встречи, Вань!

– Пока, Ириша!

Мы обнялись на прощание. Ириша побежала в профком. А я начал взбираться по скользкой кафельной лестнице «макдоналса», с целью добраться до своих одноклассников, которые ожидали меня внутри. Меня продолжал терзать всего один вопрос: «Нахуя люди вкалывают в профкоме?» Я открыл дверь ресторана быстрого питания.

Появление Ириши в моей повседневной жизни было неожиданностью для меня. Исчезнув из этой повседневности ровно на полтора месяца, она вернулась в нее, выбив ногой дверь. За неимением тем для общения, оно, к моменту его возобновления, сократилось до редких сообщений в месенджере. Как водится, все в нашей жизни меняют случаи, таким был ее звонок одним из февральских вечеров.

– Привет, – послышался голос из динамика, – скажи, у тебя есть какие-нибудь учебные материалы по биохимии?

– Привет, да, конечно есть, если тебе надо, могу передать в скором времени. А что не так с биохимией?

– Отсутствие зачета за первый семестр и не сданный экз. А какие у тебя учебники?

– У меня есть один белорусский учебник для техникумов, – к тому моменту я уже сидел около книжной полки, на

которой у меня расставлена учебная литература, и пересматривал все, что касалось биохимии, – тетради с решенными задачами, задачник... – я взял его в руку и пролистал пару страниц, – методичка. К сожалению, учебник я отдал своему товарищу Игорю, но все остальное, что у меня есть по БХ, я могу тебе передать.

– Когда мы сможем пересечься, чтобы ты мне передал?

– Думаю, на этой неделе... Давай в пятницу... После 17:00.

– Отлично. На «Фрунзе»?

– Да, на ней. Встретимся в «маке».

Каков же был итог? Я проебался с учебниками, ибо просто оставил их дома по собственной рассеянности. Поэтому наша встреча была снова перенесена на следующую неделю. Хотя и на следующей неделе я снова забыл их взять с собой. Окончательно перенеся встречу еще на два дня вперед, я так сложил с вечера книги в рюкзак, чтобы точно их не забыть снова.

После пар и двух недель ожидания мы пересеклись в «Макдоналсе» на «Фрунзенской». В этот раз она была одета более просто: в красную футболку и клетчатые штаны, очки на переносице отсутствовали, а глаза были неестественно-зеленого цвета. Она сидела за столиком у входа и пила чай.

– Извини, что опоздал. Нас задержали...

– Ну, я две недели ждала, так что... – она посмотрела на

мой взъерошенный чуб, – пять минут опоздания – это не критично. Да и к тому же, мои пары кончились еще часа полтора назад. Короче не парься.

– Окей, – я посмотрел на нее снова. Признаться, мне было непривычно видеть ее в подобной одежде, несмотря на то, что видел ее без куртки всего один раз, – вот держи, – я достал из рюкзака кипу книг и толстые тетради, – тетради – мои решения экзаменационных задач, ну, и, собственно, книги.

– Спасибо, Вань.

– Ты никуда не спешишь?

– Нет. А что?

– Не против, если я закажу себе еды?

– Нет, валяй, – ответила Ириша, сделав глоток чая.

В моем кошельке лежало всего 150 деревянных. Позволить пировать себе я не мог, поэтому заказал один чизбургер, маленькую фри и 0,2 американо с молоком. Кассир, с явной брезгливостью, взял мои несчастные «копейки» и пошел собирать заказ. На это ему потребовалось всего несколько минут. Взяв поднос, я вернулся к столику, где сидела Ириша, попивая чай.

– А чем ты увлекаешься помимо гистологии? – спросила Ириша.

– Ну... Скажем так... Я не увлекаюсь гистологией, это скорее мой способ дополнительного заработка в условиях постоянного нищевродства, – ответил я, прожевывая чизбургер, – я очень люблю музыку. Иногда пишу о ней, но это

не самое мое успешное увлечение, – комок из булки, сыра и котлеты пролетел по пищеводу.

– Покажешь, что ты пишешь?

– Да, не вопрос, – я вынул из кармана телефон и открыл свои статьи.

– А ты интересно пишешь, – сказала Ириша, пробегая глазами по экрану.

– Ты интересуешься музыкальной индустрией?

– Только К-Рор индустрией. Мне нравятся твои статьи.

– Спасибо, – ответил я, доев бутерброд, – если хочешь, можешь помогать мне в написании текстов.

– К сожалению, у меня слишком большой завал с БХ, поэтому нет... – Ириша вернула мне телефон.

Прикончив «обед» я принялся за кофе. Беседа наша медленно перетекла из музыкальной сферы в сферу прочих интересов. К моему удивлению Ириша оказалась ценным собеседником. Настолько ценным, что мне захотелось повторить этот опыт общения еще раз.

– Что ты делаешь на следующей неделе? – я решил уточнить у нее этот момент, чтобы предложить ей еще одну встречу.

– Я думала, что буду сидеть и готовиться к пересдаче. А что?

– Хочу предложить тебе куда-нибудь сходить. Ты не против?

– Нет, конечно, давай куда-нибудь сходим.

– Хорошо, – я сделал еще один ободряющий глоток кофе.

Между встречей в «маке», на которой я отдал Ирише литературу по биохимии, и встречей, которая была следующей, прошла всего одна неделя. Казалось бы, что может произойти за одну неделю? Но за этот период мы сблизились настолько, что казалось, мы знаем друг друга несколько лет. Мы общались и по переписке, и созванивались. Ну, знаете, эти тупейшие беседы ни о чем? Это были они, покрытые тонной флирта сверху. Я постоянно ловил себя на мысли, улавливая ее чуйкой, что дело пахнет жареным, что это будут новые отношения.

За неделю, как я сказал, произошло много перемен. Неизменным, за прошедшую неделю, осталось то, что в моем кармане постоянно не было денег. Так, пораскинув мозгами, я предложил Ирише сходить на фотовыставку. Это было одним из немногих мест, куда можно было заявиться, имея в кармане всего 100 рублей (без вычета 60 за шаурму на «Фрунзе»).

Мы встретились на «Кропоткинской» после занятий. Ириша была в совершенно новом наряде: на ней был светло-бежевый жакет, надетый поверх пестрой футболки, и джинсы марки «Levi's», которые смачно обхватывали ее бедра. Настолько смачно, что хотелось шлепнуть по ее заднице. Поверх жакета была накинута голубого цвета зимняя куртка.

Храм Христа Спасителя смотрел на нас как бы свысока, когда мы проходили мимо. Судя по карте, галерея была недалеко от нас. Мы миновали памятник Энгельсу и шли прямо, изредка петляя по старым улочкам Москвы, рассказывая друг другу истории из детства и юности, истории о том, как каждый из нас потерял девственность. Все бы ничего, если бы погода была теплой, но она таковой не была, и мы ужасно замерзли. Очень долго плутая, мы таки нашли выставку, которая находилась в очень неприметном и старом здании.

К слову, выставка была очень арт. То место, где постоянно ты видишь вульвы, вагины да влагалища. Еще там была голая сисястая девка под водой, сфотографированная таким образом, что без взгляда издалека и не поймешь, что это голая баба с сиськами. Все это сборище фотографий умудрилось расположиться аж на двух этажах этого старого особняка. Мы ходили вдвоем по этим двум этажам, потому что более в галерее никого не было. Именно около фотографии голыи девушки под водой я и решил предложить Ирише отношения.

– Ой, ну дай мне подумать, – капризно и смущенно сказала она.

– Ну хорошо, думай, сколько времени тебе надо? Пока мы гуляем нормально будет?

– Знаешь, я сейчас хочу писать.

– Неожиданный ответ... Ладно, пойдем и найдем тебе туалет, – пробубнил я, посмотрев в ее хитрые глаза.

Мы вышли на улицу и побрели в сторону станции «Парк культуры», где располагается «КФС» и «Бургер Кинг». Пока мы шли, я заметил еще одну бесплатную фотовыставку, расположенную на этот раз в относительно высоком здании. Это был большой куш для меня, так как я обожаю фотографию. Но все же, мы уже оба хотели отлить, поэтому зайти на эту выставку решили потом, на обратном пути из туалета.

Всю дорогу что туда, что обратно она капризно мне сообщила о том, что она хитрая и вообще может мне не ответить на мое предложение. Я закатывал глаза на это и мечтал только о том, чтобы зайти на вторую фотовыставку, где было куда теплее, чем на улице. Быстрым шагом от «Парка Культуры» мы дотопали до фотобиенале.

– Знаешь, я дам тебе... ответ... на самом последнем этаже, на самой последней экспозиции.

– Хорошо, так, а сколько здесь этажей? – их оказалось десять, – черт, десять этажей. Ладно я дождусь твоего ответа, – хотя я его и так уже знал. Она была моя.

– Мы же начнем с самого нижнего?

– Да, я вообще хотел посмотреть здесь все, – ответил я и тут же пожалел об этом.

Мы начали свой поход с самого нижнего подвального этажа. Это было и красиво, и дико изнурительно. Прекрасные ночные виды Палермо, черно-белые фотографии 30-х годов, мы этаж за этажом проходили, а я все фоткал и фоткал. Так мы дошли до самой последней экспозиции. Это был минут-

ный фильм какого-то модного режиссера. Мы сели вместе. Ириша пододвинулась ко мне очень близко, укусив меня за ухо. «Еще одна БДСМщица», – подумал я. А она прошептала мне свое «да» в укушенное ей ранее мое ухо.

Мы вышли из галереи и направились к метро. Я решил проводить ее до Котельников, от которых она уезжала в свой Жуковский. Пока мы ехали в метро, она смотрела на меня щенячьими глазами, я смотрел на нее в ответ всем своим серьезным взглядом. Так мы добрались до ее конечной точки, где стояли рейсовые автобусы.

– Ты меня поцелуешь? – спросила Ириша.

– Я не целуюсь на первом свидании... Это слишком интимно для меня, – ответил я.

Она подошла ко мне вплотную, так что между нами оставались считанные сантиметры.словно два магнетика мы притянулись своими губами друг к другу. Ее теплые большие губы слиплись с моими, а наши языки время от времени ударялись друг об друга, совершая колебательные движения. Это все могло продолжаться бесконечно долго, но закончилось гудком автобуса ровно над моим ухом. Водитель автобуса явно устал наблюдать за этим обменом жидкостями. Казалось, прогуди он еще пару секунд, я оглох бы нахер и случайно откусил ей язык.

– Мне пора ехать, – сказала Ириша.

– Хорошо. Как доберешься, обязательно напиши, ладно?

– Да. Ты тоже.

– Пока, – я чмокнул ее в губы.

– Пока, – ответила Ириша и забежала в автобус.

Закрылась дверь автобуса. Я стоял и смотрел, как водитель сдает назад. Взглядом отыскав Иришу, я помахал ей рукой. Она прислонила свою руку к стеклу, а второй рукой послала мне воздушный поцелуй. Автобус уехал. Я без гроша в кармане побрел к метро, попутно стрельнув у прохожего сигарету. Где-то вдалеке мерцали огни шоссе освещавшие дорогу для автобуса, который нес Иришу в Жуковский.

День Рождения.

Я открыл глаза среди кучи пьяных в жопу тел. Из дверного проема строго на меня смотрела Ириша без нотки малейшего похмелья во взгляде. Люди спали везде, где это представлялось возможным: на полу, диване, кушетке, ковре, кто-то завернулся в спальный мешок на балконе. Часы показывали 4 утра. «Самое время, чтобы ебать мне мозг», – подумал я. Поза Ириши не внушала мне доверия, а скорее раздражала меня. Она стояла, вытянув правую ногу вперед, оперев руки в бока, и смотрела на меня укоризненным взглядом, который пытался мне объяснить, где я должен был спать этой ночью. «Главное – обойтись без разбора полетов в пятом часу утра», – сказал мне мой внутренний голос. Что до меня, то я был согласен с этим внутренним «я», поэтому встал и, ведомый ее дьявольскими глазами, пошел туда, где и должен был

провести всю ночь, аккуратно обступая всех тех, кто спал на полу и ковре, балансируя как акробат, который идет по канату где-то там над манежем. Я шел, чувствуя едва уловимый холодок на уровне кадыка, предвещавший сильнейший похмельный синдром, как резкий отлив океана предвещает о мощном цунами.

– Так, блять. Какого хрена, Айв? – спросила Ириша, когда я подошел к ней.

– Ну... это... меня вырубилло...

– Какого, черт возьми, хрена? – повторила Ириша.

– Давай не будем выяснять отношения в пятом часу, я прошу тебя, – ответил я, предприняв попытку поцеловать ее.

– Ты совсем охуел, вечером поговорим об этом, когда вернешься с работы. А теперь – спать! Быстро! – она указала рукой в сторону кухни, где был разложен матрас, на котором спал Вилен.

Повинуясь ее властному жесту, я тихими шагами, «поджав уши» как обоссавшийся котенок, прошел на кухню. Вилен спал, укрывшись простыней, лицом к стене. Ириша прошла следом за мной, и мы синхронно опустились на матрас. Еще некоторое время я смотрел в проем между коридором и кухней. Первые лучи солнца, так неестественно для конца апреля, по касательной задевали окно и падали на стену кухни. Ириша повернулась ко мне спиной и засопела. Еще никогда прежде моя квартира не напоминала мне «сонное царство», в котором не спал только один человек, которым

был я сам. На холодильнике висел тетрадный лист, исписанный кривыми мелкими буквами, которые я не мог разобрать на расстоянии.

Укрывшись простыней, я продолжал лежать на спине. К сожалению, долго я так не мог лежать. Это было одновременно неудобно и неловко. Неловко лежать меж двух жоп. Поэтому я повернулся на бок к спине Ириши. Я обхватил ее тело левой рукой, а правую засунул под подушку, тем самым предав ей жесткость. Упершись губами в ее спину, я поцеловал Иришу между лопаток. Время же неумолимо бежало вперед, оставляя мне все меньше и меньше возможностей прийти на работу хоть в каком-то человеческом состоянии. Балансируя на грани сна и реальности я лежал, уткнувшись губами в Иришину спину, не заметив того, как закончилось ее сопение. Она развернулась ко мне лицом.

– Ты чего еще не спишь, Вань? – спросила она меня нежным шепотом.

– Прости меня за это все. Я был не прав, – ответил я ей.

– Лучше признать свои ошибки, чем не признавать их вообще, – она поцеловала меня в губы, – а теперь спи. Тебе еще идти на работу сегодня.

– Да, надо поспать...

Ириша закрыла глаза и снова задремала. Еще пару минут я посмотрел в ее спящее милое лицо. Ее нога лежала на мне. Как бы укутанный теплом, я тоже закрыл глаза и отправился в цепкие лапы бога Морфея.

Хоть и запланировал вечеринку в марте, готовиться к ней я начал за два дня до нее. Подготовка к подобным мероприятиям требует от человека, подобного мне, сноровки, решительности и некой смекалки (хотя смекалка и сноровка здесь практически одно и то же). Так как список гостей был написан мной еще за недели две до дня «X», оставались нерешенные вопросы: где всех разместить в однокомнатной квартире при наличии одного дивана, кушетки и матраса, если ожидаемое количество гостей в пределах двух десятков? Второй вопрос, не менее прозаичный и риторический: сколько денег, а главное алкоголя надо для этого всего? Один бы я никогда не решил на все это без моего лучшего друга Виленна.

– Как думаешь, как всех разместить? – спросил я его, когда за день до, утром, мы сидели у меня на кухне.

– Честно, я не знаю. Слишком много людей. А кто собственно будет?

– Давай считать, – я начал мысленно перебирать в голове людей и их имена, – ты, – я начал загибать пальцы, Вилен синхронно со мной начал их загибать тоже, – Костя и Ника, ты с ними познакомишься, мои друзья, раньше жили на пять этажей ниже меня, Костю я знаю еще со школьной поры, Ника – его жена...

– Так, допустим, дальше, – сказал Вилен, отпивая кофе.

– Иисус, его ты должен помнить, он учился со мной в школе...

– Да, помню, – кивнул Вилен.

– Иисус будет со своей девушкой Ритой, – я загнул еще один палец, – Даша и Света – мои подружки и одноклассницы по Сече, – я продолжал загибать пальцы, – Василь, мой одноклассник; Игорь – мой старый товарищ из РНИМУ, сейчас тоже учится в Сече; Красная, Белая и Галия – мои подружки из второго меда, – я не мог уже загибать пальцы, поэтому начал разгибать их.

– Уже 12 человек получается...

– Это не все, – я продолжил перебирать в своей голове людей дальше, – Самсонов и Энди, естественно. Еще я позвал Лину, тоже моя одноклассница. Ну и конечно, я и моя девушка Ириша. Того нас получается...

– 17 человек.

– Да, 17 человек.

– Понадобится очень много еды и алкоголя.

– Как в воду смотришь, – отвечал я Вилену.

– И сколько на данный момент денег у нас есть? – посмотрел на меня Вилен с легким прищуром во взгляде.

– У меня из свободных есть шесть тысяч, потом как мы договаривались с тобой, от тебя в виде презента еще две. Того восемь. Ребят я попросил вместо подарков приносить либо алкоголь, либо еду, – я сделал глоток кофе, – мама мне посоветовала приготовить блины...

– Вань, какие к черту блины? Сейчас не масленица.

– А что? Дешево и сердито. Можно блины с любым на-

полнением сделать.

– Ну, не знаю.

– Сегодня поедem закупать продукты?

– Да, мне только надо съездить в парикмахерскую.

– Во сколько тогда встретимся?

– Давай часов в 6-7 вечера. Сегодня еще в 11 вечера придет Ириша. Она сказала, что поможет завтра.

– Добро, братко.

Мы допили кофе и вышли на балкон. Вилен достал из кармана пачку «Мальборо», я стрельнул у него сигарету. Небо слегка затянутое и весеннее создавало во мне уверенность лучшей вечеринки. Я выдохнул сизый дым, предвкушая грядущее веселье. Пахло дождем.

Ревность – это то, что дается нам при рождении. Я так считаю. Одни дети ревнивы, как только у них появляется первое осознание нашего мира, как только выстраиваются их первые ассоциативные нейронные связи. Другие же дети абсолютно этому чужды. Ревность – это та штука, которую невозможно привить, воспитать, взрастить. Ее можно считать как и достоинством определенного человека, так и серьезнейшим недостатком. Все зависит от того, как это конкретное лицо воспринимает данное свойство своего характера. Что до меня, то с уверенностью, где бы она не была: в руке, голосе или жопе – каждый может сказать: «Иван Восток – гребанный неисправимый патологический ревнивец.»

К сожалению, пик этого свойства характера пришелся на момент разгара вечеринки, которая шла полным ходом.

Погруженный в тяжелые раздумья, я пьяный курил на лестнице. В момент, когда мысли о ревности прокручивались в моей голове, открылась дверь. На площадку зашла Ириша.

– Вань, что происходит?

– Может ты мне скажешь: «Что происходит?» – я посмотрел на нее с вызовом, – что у тебя с Виленом? Между вами что-то есть?

– Востоков, ты – долбоеб. Между нами ничего нет, – ответила Ириша, – ты что, ревнуешь меня к Вили?

– Да, ревную, – я затушил окурок в баночке из под икры, – у вас просто прекрасные взаимоотношения.

– Востоков, чертов мудила. Между нами ничего нет, – Ириша подошла ко мне вплотную, что я мог разглядеть узор ее глаз.

– Ладно... Просто понимаешь... – я продолжал разглядывать ее глаза, – Вили мне как брат. Но, он лучше меня, во многом. Он более контактный, хорошо выглядит, – я достал новую сигарету, – поэтому я прекрасно бы понял, если у вас что-то было.

– Иван, – она взяла из моих пальцев сигарету и положила ее в карман, – я тебя люблю. Не будь дебилом и извинись перед Вили. Твое поведение его задело.

– Хорошо, – мы продолжали стоять друг к другу вплот-

ную. От Ириши чувствовался легкий запах алкоголя. Ее лицо было в моих руках, – я тоже тебя люблю.

Через окно в подъезде послышался звук проезжающей электрички. Маленькие точки огней города пробивались сквозь черное небо, проникая в окно на лестничной клетке. Я прижал Иришу к стене. Она страстно целовала и кусала мои губы. Желтый свет подъездной лампы освещал стены, покрашенные желтой масляной краской. Лучи, такие равномерные и однотонные, падали на серую каменную лестницу и белый кафель, которым был отделан пол этажа. Калейдоскоп эмоций и ощущений и всего того, что я видел перед собой, захватывал и вырывал из реальности. Я целовал ее шею, моя рука расстегнула пуговицу ее джинсов. Она опустилась ниже в трусики. Пальцы прошли по гладкой коже лобка, спускаясь ниже к половым губам. Мягким и мокрым. Ириша закрыла глаза, слегка поддавшись на меня. Подушками пальцев я совершал круговые движения в области клитора. Ее губы, обсохшие от частого дыхания, зацепили мои, будто она искала еще большей влаги, чтобы отдать ее там. Пальцы зашли в нее. Она закусила мою губу, издав легкий стон.

– Я тебя хочу, – прошептала Ириша, вдыхая через губы воздух.

– Я тоже тебя хочу, – ответил я, покрывая поцелуями шею миллиметр за миллиметром.

Возбужденные до безобразия, мы оторвались от стены. Алкоголь во мне продолжал действовать. Переместившись

к двери, что была напротив, Ириша встала ко мне спиной. Руками приспустив ее джинсы, отодвинув ткань трусиков, я вошел в нее. Своими ладонями она упиралась в армированное клетчатое стекло двери. Правой рукой я слегка подтянул ее к себе, другая рука спускалась вниз, в самое жаркое место.

В подъезд открылась тамбурная дверь. Судя по шагам, кто-то двигался в сторону лестничной клетки. Надо отдать ему должное, он шел крайне медленно. Адреналин взял верх над алкоголем. Ириша быстро натянула джинсы, застегнув их одной рукой. Аналогично быстро я натянул на себя свои штаны. Одним махом мы оказались на следующем межлестничном промежутке. На лестницу зашел Костя.

– Вань? У вас все в порядке? Вы пропали надолго... – спросил Костя, стоя возле двери, – мы не могли вас найти.

– Костя, все хорошо. Мы скоро придем, – ответил я, посмотрев на Иришу. Она быстро дышала.

– Да, Кость... Мы... это... скоро, – сказала Ириша.

– Хорошо. Давайте. Мы вас там ждем, – сказал Костя и вышел обратно в подъезд, закрыв за собой дверь.

Мы стояли плечом к плечу с Иришей, пытаясь отдышаться. Возбуждение ушло. Вынув сигарету из пачки, я закурил.

– Это было... – Ириша посмотрела мне в глаза, – горячо. Мне понравилось.

– Это было круто, – подтвердил я, выпустив дым из своих легких.

– Пойдем обратно?

– Я тебя люблю, – я поцеловал ее в губы, – да, сейчас докурю, и пойдем.

– Хорошо, – она выдержала небольшую паузу, продолжая смотреть мне в глаза, – а я тебя.

В 18:30 Вилен зашел в квартиру. Было видно, что он обновил свою прическу, которая ему явно шла. Выбритые виски и затылок, густые темные волосы верхней части головы слегка отдающие рыжиной идеально гармонировали со смугловатой немного бронзовой кожей лица и темными глазами. Он был идеально выбрит, что заостряло такие черты лица его как прямой нос, подбородок и скулы. Вили был неизменно одет в полувоенном стиле, а серые кроссовки удачно дополняли общую картину.

– Здорова, ну че? – мы пожали друг другу руки и обнялись.

– Ну все, сейчас едем, только брюки натяну и деньги возьму. Мы как? На маршрутке?

– Да ладно, поехали на такси?

– Ну, хорошо. Поехали.

– Пока ты заканчиваешь собираться, я покурю у тебя на балконе? Заодно такси вызову.

– Да, конечно, какие вопросы.

В моем беспорядке бывает трудно найти все (кроме денег), даже если этот предмет используется достаточно часто. Пять минут поиска принесли свои плоды: я нашел свои

джинсы. Я умудрился их повесить на самое видное место в квартире – стремянку, но из-за завала на ней они выглядели так неприметно, что найти их визуально не представлялось возможным. Вилен стоял на балконе в клубах сизого сигаретного дыма, открыв фрамугу окна. Он вглядывался в первые появившиеся огни города, делая редкие затяжки. Рядом с ним лежала пачка, так небрежно открытая, она отблескивала белым матовым цветом, явно выделяясь на фоне пыльного подоконника. Я взял деньги из конверта и пошел в сторону балкона.

– Ну усе. Я готов. Ты вызвал такси?

– Да, – ответил Вилен, сделав последнюю затяжку, он выбросил окурочок в окно, – через 7 минут к нам подъедет белый «солярис».

– А, ну, пойдём обуваться.

– Да, – Вилен закрыл фрамугу окна, и мы вышли с балкона.

У подъезда нас ждал автомобиль. Смеркалось, загорались первые огни придомовых фонарей, освещавших своим теплым оранжевым светом двор, детскую площадку, машины, которые стояли вплотную к тротуару, отделявшему подъезды от проезжей части двора. Мы прыгнули в белый «солярис».

– Вам в «глобус»? – спросил водитель.

– Да, – ответил я с заднего сидения. Автомобиль тронулся.

Конец апреля, несмотря на дожди, был теплым. Открыв

окна мы ехали по практически пустым улицам города. Складывалось ощущение, будто на дворе середина мая. Казалось, люди прогуливались, не замечая времени. Жизнь текла в своем спокойном русле в ожидании грядущего выходного дня.

– Познакомился с одной девушкой. Очень сочная, – Вилен передал мне телефон с переднего сидения, – ну как?

– Она ничего, – согласился я, листая фотографии, – Вили, ей хоть есть 18?

– Да, ей как раз 18, – он протянул руку. Я вернул ему телефон, – у вас можно курить?

– Да, пожалуйста, – ответил водитель, – ой, а можно у вас сигаретку взять?

– Конечно, – Вилен протянул ему пачку.

– Спасибо, – водитель достал сигарету.

– Вили, ты когда уезжаешь в Ростов? – спросил я.

– На свой день рождение. Отец говорит, там сейчас невыносимая жара. Как раз приеду... – он мечтательно затаился, – в хуторе на лошадях покатаюсь, родня, а пиво там какое! В каждом районе есть своя пивоварня. У меня еще дядька гонит такой самогон, по вкусу от вискарря никогда не отличишь.

– Привезешь?

– Да, еще и рыбы привезу копченой. Через неделю нас с бабушкой повезет брат.

– Звучит прекрасно! Я вот не знаю, когда выберусь к себе

в Пензу. Да и особого желания у меня нет, но съездить туда тоже надо.

– Скатайся обязательно, может что и хорошее будет?

– Эт верно.

Такси довезло нас до магазина за считанные минуты. Расплатившись, мы вышли на улицу. Людей в «глобусе» как всегда было навалом.

– Так вот куда они все делись, – сказал Вилен.

– Они просто решили закупиться перед выходными.

Мы взяли тележку и вошли в гипермаркет. Меню планировалось быть простым: шашлыки, салатки, крепкий алкоголь и газировка. Первом делом мы пошли за алкоголем. Ассортимент в отделе пестрел всевозможными этикетками и оттенками напитков.

– А что ты планировал из алкоголя?

– Ром, джин, вино.

– И все?

– Ну, не знаю... Народ же еще что-то принесет.

– Нужна еще водка, – сказал Вилен положив в тележку две бутылки водки.

Я взял две бутылки рома и бутылку джина, в дополнение поставив двухлитровую бутылку сангрии. Мы продвинулись дальше в отдел газировки, где взяли пару бутылок тоника, несколько литров колы и обычной воды. Решено было не ломать голову над салатами, поэтому выбор упал на готовый оливье и «московский салат». В мясном отделе мы аналогич-

но долго не задерживались, и взяв пять килограмм шашлыка, мы направились к кассе.

– Стоп. Нам нужны подушки.

– Подушки?

– Ну, у меня всего одна подушка, не считая двух от дивана, – на подходе к кассе я забежал в отдел товаров для дома и взял две самые простые подушки.

Иногда неловко про себя замечать косые взгляды. Понятное дело, людей смущал тот факт, что два взрослых парня, из которых первый – брутальный и внешне жесткий, а второй – юный хипстер в клетчатой рубаше с волосами доходящими до углов нижней челюсти. Они закупают алкоголь и еду, две подушки. Идеальная однополая пара, как может показаться.

– Эта ночь будет самой лучшей, дорогуша, – провел я указательным пальцем по плечу Вилен.

– О да, дорогой! – ответил Вилен под неодобрительные взгляды толпы.

Явное недружелюбие, которое просвечивалось в глазах кассира, прожигало насквозь, словно луч лазера, который прожигает сетчатку случайного зрителя. Мы оплатили покупку, и в считанные секунды убрав продукты в тележку, удалились из магазина под прицелом глаз-лазеров. Часы тикали, совсем скоро мне надо было встречать Иришу. Мы заказали такси и уехали из магазина.

Вот уже второй час подряд соседи сверху или снизу колотили в батарею. Мы упорно продолжали орать: «ПЕРЕ-МЕН! ТРЕБУЮТ НАШИ СЕРДЦА!» Заглушая музыку, рвущуюся из колонки Yamaha, я отчаянно бил по струнам гитары. Часть гостей вместе со мной сидела на полу и горланила песни, кто-то стоял поодаль от нас, возле стола, покуривая кальян, другая часть гостей разбрелась по квартире, жуя шашлык и что-то обсуждая. Ириша в окружении девушек сидела на кухне и жаловалась на мою крайнюю и беспочвенную ревность.

Я вышел на кухню, когда закончил играть. Пространство кухни было погружено во мрак, в нем на полу сидела Ириша, окутанная теплыми взглядами Красной и Ники. В комнате Игорь увеличил громкость колонки, а Вилен и Даша пошли провожать Свету, чтобы на обратном пути попробовать купить еще джина.

– Я даже не смогла переодеться! – всхлипнула Ириша. Она явно была пьяна.

– Что происходит? Что случилось? – я посмотрел в их сторону, наливая в пластиковые стаканчики ром, частично проливая его на столешницу из-за собственного нетрезвого состояния.

– Вань, не сейчас, иди в комнату. Тебя ждут, – сказала Ириша.

– Да, конечно... Но... Коктейль? – главное было сохранить внутреннюю флегматичность и пьяную невозмути-

мость в тот моменты.

– Айв, нам надо еще поговорить, – во взгляде Красной, когда она это сказала, чувствовалось легкое трудноуловимое волнение, которое на долю секунды передалось мне и вышло в виде небольшой лужицы пепси.

– Ладно... Как скажите... – я взял три пластиковых стаканчика с гроыхающим льдом и вышел вон из этого мрака.

Хлопнула входная дверь. Даша и Вилен зашли в квартиру. В руках у Даши была бутылка джина.

– Мы купили еще, – сказала Даша.

– Где? Магазины же закрыты.

– В пивной, – ответил Вилен, передавая мне бутылку.

– Света успела на элку? – спросил я у Вилену.

– Все в порядке, бро.

– Добрэ, – я обнял Вили.

Свет погас, а народ продолжал общаться, есть и пить. Опрокинув в себя содержимое стакана, я пошел гулять по квартире, периодически общаясь то с одними ребятами, то с другими. Вилен и Даша пригубили напитки в след за мной. Две тени носились по квартире: Игорь, которого очень быстро разнесло (странное явление, ибо он всегда может пить и не пьянеть) и Костя. Костя пролетал по квартире, а в руках у него был его собственный авторский коктейль налитый в колбу от кальяна. Красная пробежала в ванную. Я остановился напротив приоткрытой двери, из которой сочился свет, проливаясь на пол коридора. Она жестом позвала меня

к себе.

Она сидела на краю ванны. Рядом с унитазом на полу сидел Иисус, он только что передал ему, по-видимому, все содержимое своего желудка. Он сидел спиной к стене и смотрел в никуда. Его длинные волосы обычно заплетенные в конский хвост, были растрепаны. Иисус закрыл глаза, так что его мощные и густые брови ровно встали поверх глаз. Прядь волос упала на нос, доходя до подбородка, на котором виднелась отросшая за вечер щетина. Я закрыл за собой дверь, а затем заблокировал ручку, чтобы никто более не мог зайти в ванную. Красная обратила свой взор на меня.

– Айв, – она смотрела мне в глаза, – мне надо с тобой поговорить.

– Хорошо... – я улыбнулся в ответ, – о чем?

– Не проеби ее, Айв!

– Воистину! – сказал Иисус с закрытыми глазами.

– Ириша охуенная, не проеби ее. Не сходишь больше с Асей.

– Да я как бы и не собирался.

– Ириша на тебя была обижена за то, что ты ревнуешь ее к Вилену. Айв, между ними ничего нет.

– Я давно успокоился. Все хорошо.

– Айв, я серьезно.

– Красная, я тебя понял, – ответил я ей, посмотрев ей в глаза, – я люблю ее и не собираюсь заканчивать эти отношения. Тем более ты знаешь, что я ревнивый человек. Да, у ме-

ня была ревность сегодня, но... Сейчас уже все нормально.

Странная тишина за дверью меня напрягала. «Менты?» – промелькнуло в голове.

– Иван, ты где? – это была Даша.

– Я в туалете, все хорошо. Что-то случилось?

– Выходи! – кто-то постучал в дверь.

– Пять минут.

Красная сидела и смотрела на дверь. Иисус продолжал сидеть с закрытыми глазами.

– Иисус, ты как себя чувствуешь?

– Все заебись, – он с закрытыми глазами поднял вверх большой палец.

– Может церукал?

– Не, не надо, я прихожу в норму, – отвечал Иисус.

– Хорошо, – ответил я.

Красная продолжала сверлить меня взглядом.

– Айв, знаешь, она от тебя в восторге, но ты, конечно, повел себя сегодня не очень красиво... Вот хуево.

– Я понимаю, но мы же с ней решили наш конфликт.

– Да, но Айв... – она выдала паузу, – береги ее.

– Буду беречь.

В дверь снова постучали.

– Ладно. Надо выходить.

– Да, – подтвердил Иисус.

Первая встала Красная, я поднялся следом. Полотенце для ног упало на пол. Иисус встал третьим. Я посмотрел на

дверной замок. Он отсвечивал серебристыми лучами, которые, казалось, бьют прямо в черепушку. Замок пискнул при повороте, щелкнул и открылся. Тишина нарастала. Ощущение тишины и присутствия большого количества людей за дверью создавало новое нереальное чувство где-то внутри мышц, нервов, сердца и мозга. Дверь распахнулась.

– С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ!!! С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ!!! С ДНЕЕЕМ... – мои друзья резко замолчали. Я, уже отвыкший от темноты, стоял в свете ванной комнаты, а за спиной стояла Красная. Краем глаза я увидел, как тень Ириши выскользнула из толпы на кухню, – рожденья...

– Фух, – кто-то громко выдохнул, когда Иисус встал между мной и Красной.

– С ДНЕМ РОЖДЕНЬЯ! Загадывай желанье!

Такого я не ожидал. 13 человек стояли с тортом, в который были воткнуты свечи. Они горели, освещая коридор. Все, что было в моей голове, – сумбур. Ни одно желание не лезло в голову, кроме самых банальных, ни одна мысль не могла проскочить бесшумно. Даже пускать «шептуна» получилось бы тише. Зажмурив глаза и выбрав первое желание, которое пришло ко мне более или менее оформленным, я задул свечи. Темнота окутала присутствующих, ибо только свет из щелочки между дверью и косяком пробивался, падая на пол. Сквозь хлопки слышался стук в батарею.

С Виленом мы распихали продукты по полкам холодиль-

ника. Еще некоторое время стояли напротив окна и вглядывались в ночное небо.

– Думаешь нам хватит этого всего на завтра? – спросил Вилен, глядя в темноту.

– С лихвой.

– Если что, завтра докупим.

– Думаю, нам этого хватит, – я перевел свой взгляд с окна на Вилену.

– Посмотрим.

– Да.

– Ладно, я поеду. Завтра тогда занимаемся приготовлением квартиры?

– Да, именно. Ты во сколько приедешь?

– Где-то в двенадцатом часу, я привезу мангал и угли.

– Хорошо... Будем ждать тебя, – я улыбнулся ему, Вилен с аналогичной улыбкой посмотрел на меня.

– Поеду, поздно уже.

– Я тебя провожу. Мне еще Иришу идти встречать.

– Пойдем тогда?

– Пойдем, – согласился я.

Вилен заказывал такси. Он каким-то чудесным образом умудрялся делать это, завязывая шнурки. Я стоял рядом с ним. Мимо Вилены пробежала Тома. Она слегка задела его боком и промяукала. Вили протянул руку и погладил кошку, которой явно сегодня не хватало любви.

– Тооома. Тоооома. До завтра, Тома, – Вили почесал кош-

ку за ухом, – такси приедет через 5 минут.

– Хорошо, как раз пока спустимся.

На улице Вилена ждала желтая «октавия». Пожав руки и обнявшись в свете оранжевых фонарей, мы попрощались. Вили сел в машину. Водитель выжал сцепление и переключил с нейтралки на первую скорость. Машина тронулась, обливается лучами искусственного света. Я посмотрел на часы. Через 15 минут Ириша должна была приехать. Перебегающей тенью я прошел по асфальту в сторону станции. Изредка на моем пути встречались люди, которые выгуливали своих маленьких собачек, в кромешной тьме кустов, закрывавших обветшалые гаражи, расположенные около железнодорожного полотна.

В холле станции людей было немного. Кто-то стоял за турникетом и ожидал электричку, дабы уехать как можно дальше в область, кто-то стоял и ждал поезд, чтобы встретить приезжающего человека. В любом случае все сидели на кафельном выступе стены, залипая в смартфонах. Когда поезд подъехал, ожидавшие его люди встали и вышли на улицу, на миг дышать стало легче. Спертый воздух начал движение в сторону открывшихся дверей. Я наострил свой взгляд на турникеты, дабы не пропустить Иришу. Через некоторое время она прошла через турникет.

– А вот и я! Привет! – сказала Ириша, когда я обнял ее за талию.

– Привет! – я чмокнул ее в губы, – пойдём?

– Пойдем, – она передала мне из своих рук пакет, набитый одеждой.

– Как ты доехала? Без проблем?

– Да, все прошло гладко, но до тебя так долго ехать из Жуковского. Подольск – это жопа.

– Ну-ну. Подольск – классный город.

– Но он никогда не сравнится с Жуковским.

– Не согласен, но спорить я не буду. Давай каждый останется при своем?

– Ну и ладно.

– Ты голодная?

– Если только чуть-чуть.

– Тогда я приготовлю нам что-нибудь, ибо я сам только что приехал. Мы с Вили ездили в «Глобус».

– А что приготовишь?

– Спагетти с мясом. Как тебе?

– Неплохо. Давай.

Время пролетело неумолимо быстро, пока мы шли от станции до дома. Еще быстрее оно летит, когда оба болтают о чем-то незначительном, но дико интересном. И вот уже с Иришей мы стояли на пороге квартиры. Я включил свет и поставил сумку с вещами на скамейку около входа. Кошка ходила вокруг Ириши, назойливо обтираясь мордой об ее джинсы.

– Что это у тебя здесь за «галчата» висят? – услышал я голос из ванной, шинкуя лук на кухне.

– В смысле? – я повернул голову в сторону прохода и увидел в нем Иришу.

– Носки. Они висят везде. Что это такое?

– Ну... Они сушатся.

– Понятно, – она села на стул, – тебе помочь?

– Да нет, я справлюсь.

Как только мы закончили ужинать, Ириша зашла в комнату и села на диван. В ее руках был большой подарочный черный пакет с белыми рисунками. Она сидела, ожидая увидеть мою реакцию. Еще некоторое время я стоял в проходе и смотрел на нее, а затем на пакет.

– Время подарков!

– Ого... Я не ожидал даже...

– Садись, – она похлопала ладонью по дивану.

– Ага, хорошо, – я сел рядом.

– Значит несколько тематических подарков. Так как ты мечтаешь научиться копить... Вот тебе средство, которое поможет в этом, – она достала консервную банку с отверстием для монет и купюр. Банка была обклеена стикерами, которые символизировали ее, с одной стороны, и меня, с другой, – так как ты любишь вселенную DC, то этот подарок, как мне кажется, тебе зайдет, – Ириша достала из пакета серые носки с вышитым логотипом бэтмена, – ну, и последнее... – она выдержала паузу, – ты же очень любишь кофе?

– Да, конечно, – я улыбнулся, отвечая на ее вопрос.

– А помнишь, как мы случайно встретились? И куда мы

пошли тогда зимой?

– Это когда мы встретились около МДМ?

– Именно.

– В кофейню мы пошли, – это воспоминание заставило улыбнуться меня еще шире.

– Я подумала и решила: эта кружка, – она достала белую керамическую кружку, которая была закрыта золотой керамической короной, – станет твоей любимой кружкой, а этот кофе, – она достала банку кофе со вкусом «Айришь крим», – твоим самым любимым кофе.

– Может тогда сразу попробуем его?

– Хочешь принести мне кофе в постель?

– Хм, а почему бы и нет?

– Я согласна.

– Спасибо за эти классные подарки, – я поцеловал ее, – это очень крутые штуки. Пойду сделаю нам кофе. Тебе с молоком?

– Да, пожалуйста.

Я вышел на кухню и поставил чайник. Сквозь шорох чайника я услышал щелчок выключателя света. В коридоре потемнело, ибо он теперь освещался лишь светом из кухни. Послышались щелчки зажигалки, и маленькие струйки света проникли в коридор. «Свечи», – подумал я. В комнате скрипнул диван. Звук падающего одеяла, еле уловимый, донесся до меня. Вскипел чайник. Размешав сахар с кофе, я залил его водой и снова размешал. Добавив молоко, я пога-

сил свет на кухне и вышел в темный коридор, слегка освещенный свечами, которые стояли в комнате. Ириша лежала на диване. Одеяло осторожно укрывало ее ноги, переходя на талию. На ней был шелковый пеньюар темно-лилового цвета, который, вероятно, должен был фиксироваться чем-то вроде пояса. Я поставил кофе возле свечей и шагнул в сторону дивана. Под натиском моего колена он скрипнул. Ириша вылезла из-под одеяла. Пеньюар распахнулся, оголив ее. Она сняла с меня футболку, взяв меня в свои ладони. Моя рука прошла по ее спине. Я положил Иришу на диван. Ее губы слегка коснулись моих, а рука прошла вниз по моей груди, животу и лобку. Она взяла мой член в свою ладонь. Я целовал ее губы, шею, грудь.

– А как же кофе? – спросил я на миг оторвавшись от ее тела.

– Утром выпьем, – ответила Ириша.

Спустив мои трусы, она захватила меня своими ногами. Пеньюар был уже не нужен, легким движением я снял его. Она смотрела в мои глаза. Обняв, я подтянул ее к себе. Ириша еще сильнее обхватила меня.

Иногда хочется иметь под рукой такой рубильник, который бы с легкостью отключал временные периоды. Мало того, что целый день я занимался только тем, что пылесосил, собирал по настоянию Ириши «галчат», так еще в добавок меня раздражало лаконичное и миролюбивое взаи-

модействие Ириши и Вилена. Они словно два голубя мило ворковали на кухне, работали как единый слаженный организм. Чувствовать себя лишним? Пожалуйста! Третья нога? Не вопрос. Пятое колесо? Сколько угодно, мистер Востоков. Единственное, чего я хотел в те минуты – скрыться куда-нибудь, уйти или просто раствориться.

Выход из непростой ситуации пришел сам собой: подъезжали первые гости. Вот уже полтора часа до меня пытались доехать Света, Даша и Василь. Они застряли на одной из станций курского направления, поэтому задерживались, но определенно сегодня они должны были стать первыми гостями, свежим глотком холодного пива или первым альпийским воздухом.

Внутренний голос мне говорил: «Востоков, не дури! Между Виленом и Иришей абсолютно ничего нет.» Слушая внутренний голос, я превращал его в голосок и слал нахуй. «Ваня, это все глу-по-сти! Чего ты ведешь себя как ревнивая скотина? Они что должны готовить молча или цапаться?» – внутренний голос периодически набирал обороты, а затем утихал под шумом двигателя старого пылесоса. «Да-да, не пойди бы тебе в пизду?» – отвечал я своему внутреннему голосу. Внутренняя истерия продолжалась до тех пор, пока мне не позвонила Света.

– Мы скоро подъедем. Я не удивлена теперь, почему ты каждый день опаздываешь на пары.

– Я этому перестал удивляться еще во времена РНИМУ.

Я вас встречу.

– А где встречаемся-то?

– На станции.

– Хорошо.

У меня появился предлог наконец разорвать цикл из отрицательных эмоций. Убрал пылесос за шкаф я начал собираться. Ириша выглянула из кухни. В ее взгляде читалось недоумение и неудовольствие сложившейся ситуацией.

– И куда это ты?

– Я пошел встречать первых гостей. Даша, Света и Василь приедут через 15 минут.

– Чувак, все в порядке? – Вилен как и Ириша выглянул из-за кухонного гарнитура.

– В полном, Вили.

Одевшись, я вышел в подъезд. Даже воздух лестничной площадки имел отрезвляющий эффект. Чувствуя себе гребанным фениксом, я пробежал два пролета вниз по лестнице и, запыхавшись, таки вызвал лифт, который снова начал тупить и ездить между этажей, постоянно проезжая тот, на котором стоял я. Спустя несколько минут он наконец-таки остановился и распахнул свои двери. Конечно же пустой.

Сырой и свежий воздух наполнял улицы кислородом. Я шел по новенькому асфальту, от которого все еще пахло гудроном. Только что распустившиеся ивы свисали ветвями вниз, образуя арку над аллеей, а серое свинцовое небо нависало над нами всеми, создавая подобие купола. Подходя к

станции, я заметил свою троицу: Василь шел посередине с черным пакетом, он был одет во что-то напоминающее спортивный костюм, а из пакета предательски торчала трубка кальяна. Света и Даша шли по обе стороны от Васи.

– Ох, до тебя хрен доедешь! – сказала Света.

– Востоков, я не ожидала, что ты живешь так далеко! – сказала Даша.

– С днем рожденья! – Вася вручил мне пакет.

– Спасибо! – ответил я Васе, – ну не так уж и далеко, просто вам не повезло с электричками, – проговорил я, обнявшись с девушками, – Вась, сможешь мне готовить шашлык?

– Не вопрос, Вань.

– Так, а куда нам идти?

– Прямо, нам нужен вон тот дом, – рукой я показал на свой человекник, – следуйте за мной, и вы не заблудитесь.

Когда мы зашли в квартиру, на пороге нас встречали Вилен и Ириша.

– Мы с Васей пойдем готовить шашлык.

– Наша помощь нужна? – спросили девушки у Иры.

– Да, было бы очень здорово!

Я захватил с собой мангал и угли. Василь взял мясо и кастрюлю. Вдвоем мы спустились на первый этаж и вышли на улицу. Обойдя насосную станцию, мы расположились около пенька, собрали мангал и разожгли угли. Теперь время тянулось не так медленно. Мой телефон зазвонил снова. Это был Костя.

– Мы уже подъезжаем. Ты сейчас где?

– Я жарю шашлык с Васей. Ириша дома. А вы где?

– Мы около подъезда.

– А, ну подходите сюда, наверное.

Спустя некоторое время Костя и Ника подошли к нам. В руках у Кости был пакет. Как оказалось в нем тоже лежал кальян.

– Это от нас: меня, Ники, Иисуса и Риты. Они, кстати, тоже должны скоро подъехать.

– Спасибо, ребят, – я обнял Костю и Нику.

– Мы, наверное, поднимемся к тебе?

– Да, давайте.

Шашлыки жарились очень медленно. Пока с Васей мы занимались ими, приехали Красная с братом Киrom, Игорь, Иисус и Рита. Мне позвонили Лина и Белая, оповестив меня, что их не будет. Для полного сбора не хватало только Самсонова и Энди (они обещали подъехать ближе к 22 часам), и Галии (она застряла в пробке). Подменить меня пришли Вилен с Иришей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.